

ЮРИЙ НИКИТИН

На пороге

К О Н Т Р О Л Е Р

Annotation

Владимир Лавронов, доктор наук, со скальпелем в одной руке и пистолетом в другой, действует в мире завтрашних идей, хай-тека, биотехнологий, в стремительном ритме современной жизни с ее идеалами, близостью бессмертия, сингулярности, сетевыми и религиозными войнами, локальными конфликтами и мятежами... и постоянно сталкивается с новыми вызовами глобальных рисков, какие просто не могли существовать раньше.

Обреченный на смерть неизлечимой нейроdistрофией, он решается на рискованнейшую операцию. Но никто, кроме нас, читателей, не ожидал, что результат получится неожиданным.

Юрий Никитин

Контролер. Книга первая. На пороге

© Никитин Ю., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Турчину, Батину, Ицкову – трем китам отечественного
трансгуманизма!*

Катенька так проголодалась, что набросилась на еду, как проснувшийся после зимней спячки зверек, тощий и ослабевший, почти глотала, разжевывая кое-как, подавилась, начала икать так смешно, что я жизнерадостно заржал.

Она бросала лютые взгляды, но как ни давила икотку, та не унималась, а сказать дурацкое «Икотка-икотка, перейди на Федотка, а с Федота на Якова, а с Якова на всякого» отучали еще в детском садике, дескать, нельзя за свою дурость заставлять расплачиваться других даже в нелепом пожелании диких людей, что дошло из времен не то Петра Грозного, не то вообще питекантропья.

– Чего... ржешь? – просипела она перехваченным горлом.

– Мило, – сказал я в восторге. – Тебя даже подбрасывает! Как игрушечного хомячка!

– Твоя печка... плохо готовит, – выдавила она. – Можно... припаять срок... за... такое... вредительство... народному здоровью.

– Выпей воды, – посоветовал я. – Или дать водки? Что у вас на тусовках сейчас в тренде?

Она набирала воздуха и, раздув щеки, как бурундук на заготовке зерен, терпела, но через несколько секунд ее снова подбрасывало, и она с шумом выпускала воздух, сдуваясь, как проколотый шарик, становясь такой маленькой и жалобной, что хотелось ухватить и сунуть в нагрудный карман, а туда иногда сверху запускать палец и щекотать ей пузо.

Я наслаждался, рассматривая почти с нежностью. Все-таки как ни давят нас женщины своим феминизмом и как мы им ни подыгрываем, чтобы лучше и активнее работали, и вообще чтоб в дурном азарте все делали за нас, а мы полежим на диване, нам надо копить силы для спасения мира, однако же эволюцию не отменишь, в каждую клетку нашего тела вбила свои законы.

Ей уже или все еще двадцать четыре, замужем, но ее пока что еще зовут не Катериной и даже не Катей, а Катенькой, как ребенка. И когда смотришь на милые мелкие черты лица, вздернутый носик, капризно вздернутую верхнюю губу, хотя сама Катенька ничуть не капризная, видишь жалобный вид, узкие женские плечи, а взгляд из-за ее дюймовочности всегда снизу, так что любой мужчина готов ухватить ее на руки и нести через лужи, лаву и минные поля... то да, понимаешь, что это Катенька, Катюнчик и все такое, но никак не Катерина.

– А ты почему не отвечал на звонки?.. По глазам вижу, сбрешешь!..

– Тебя ждал, – великодушно ответил я. – Сидел у окошка, подперши рожу ладошкой, и ждал. А когда уходила утром, платочком махал вслед.

– Свинья, – сообщила она. – Платочком махал!.. А у тебя есть платочек?.. Небось соплями о землю бьешь так, что почва трескается, а в Непале снова землетрясение. Или цунами.

Я добродушно улыбнулся.

– Не-е-ет, я в этом деле настоящий эстет!.. Как йог, выдуваю по очереди из каждой ноздри, красиво и артистично зажимая другую. Показать?

– Свинья, – повторила она. – Не видишь, я питаюсь? Хотя чего от тебя ждать, такого грубого, будто и не ботаник.

– Я тоже тебя люблю, – сказал я. – Кофе?.. Или сразу в ванну? Я там набрал для тебя воды. С ароматами, как ты любишь.

– Давай кофе, – потребовала она. – Допью в ванной. И бутерброд побольше!

– С салом?

Она округлила глаза.

– Что? Я называю это рыбой!

В ванне нежилась недолго, характер не позволяет разлеживаться, а дома, как призналась однажды, вообще ванну никогда не принимает, довольствуясь душем. А муж ее так вообще не моется, вредно смывать с себя защитный слой, есть такое мнение у физиологов, а он все эти рекомендации выполняет и перевыполняет.

Когда я разделся, смущаясь своего постоянно худеющего тела, она не стала ни отворачиваться, ни говорить что-то утешающее, все равно ложь, сказала просто и небрежно:

– А ты что-то совсем исхудал... Утром я сама завтрак приготовлю. Мужчина должен питаться хорошо!

И ни слова про мою нейродегенерацию, умница и чуткая душа.

– Ты повторила слово в слово, – сказал я, – фразу главной героини в фильме «Красный аквагер»?

Она покачала головой.

– Не помню. Наверное, не смотрела.

– Смотрела, – сказал я уверенно. – Я как раз тогда к тебе заходил! Ты чесалась, как поросенок, прямо перед окном. Голая.

Она отрезала с достоинством:

– Леди не чешутся!..

– Кино сингловое, – подсказал я.

Она фыркнула.

– Да кто сингловые помнит? Я, как и все, запоминаю только сериалы. Когда в каждом сезоне по двадцать четыре серии, то запомнишь не только главного героя, но и парочку второстепенных... А сингловые фильмы кто-то в наше время смотрит?

– Только маргиналы, – согласился я.

– Сумасшедшие.

– И в синглах, – сказал я великодушно, – пока еще бывают находки. Хотя все реже.

– Отмирающий жанр, – согласилась она равнодушно. – Много чего отмерло. Отец говорил, в его детстве все поголовно в шахматы играли. Дети, взрослые, старики. Дома и в парке на скамейках... А сейчас и слова такого нет. В словарях уже с пометкой «устар.» либо «архаизм».

Она заснула, а я, оставшись наедине с собой, ощутил такую дикую тоску, как никогда раньше. Сердце почти перестало стучать, я в испуге пощупал левую сторону груди, надавил мышцу, страшась, что там под нею слабеющий мускул вдруг да перестанет работать именно сейчас.

В детстве не страшился смерти и даже бравировал, доказывал, что нужно умереть красиво, на бегу или, как говорят штатовцы, в своих ботинках.

Все так и было, потому что о бессмертии тогда еще не говорили, по крайней мере в обществе, потому умереть в семьдесят или в семьдесят пять лет... да какая разница? И хотя вроде бы лучше в семьдесят пять, но если для этого нужно всю жизнь отказываться от сладкого и горького, ложиться спать только вовремя, кофе не пить, жирное не употреблять... то прибавка в пять лет того не стоит.

Другое дело, если бы сто лет! А еще лучше, тысячу.

И вот сейчас, когда понял четко и отчетливо, что мог бы дожить до бессмертия, осталось до него всего лет пятьдесят, а мне сейчас двадцать девять, к моим семидесяти девяти годам уже будет открыто, а к восьмидесяти уже создано и введено в практику.

Ну, пусть не получил бы первым и даже вторым, пусть в конце первого миллиона, но успел бы, а потом тело можно модифицировать как угодно, сделать хоть молодым, хоть кремнийорганическим, хоть в виде силового сгустка.

Но, увы, не получится. У меня одна из тех редких болезней, которые становятся в нашем мире более частыми, – нейродистрофия. Никакие физические упражнения не спасут, мышцы постоянно истончаются, а когда перестанет работать сердце, что всего лишь мышца, то все, каюк.

В нашей лаборатории, как и в сотне таких же по миру, давно работают с CRISPR, успехи есть, от дрозофил готовимся перейти к мышам, но я не дождусь, склею ласты раньше, и мои коллеги в нашей лаборатории недавно поддались на мои уговоры попробовать рискнуть и провести операцию на моем испорченном гене, что вообще-то строжайше запрещено.

Но человек не мышь, я сам это говорил сотни раз дилетантам, что требовали быстрее переносить на человека то, что удалось на червях, а то и на бактериях.

У нас основная цель – антиэйджинг, борьба со старением, в идеале – бессмертие, но у червяка один-два выключателя старости, суметь их найти и поставить на нейтралку – уже сделать бессмертными, а вот у человека таких выключателей сотни.

Хуже того, безобидные участки генома взаимодействуют на предмет умерщвления своего носителя так усердно и умело, что все комбинации никакой компьютер пока что не сосчитает.

Попытаться проделать это на человеке, когда получается только на нематодах и дрозофилах, – неоправданный и ничем не подкрепленный риск. Даже к мышам пока подходят только авантюристы, но не серьезные, как это называется, ученые.

Выбор не ахти, но это честный выбор: или через два года неминуемая смерть от нейродистрофии, либо рискованнейшая операция, где шансы один к миллиону, если не к миллиарду. Если не повезет, умру пусть не на столе, там склеивают ласты, а через пару месяцев в собственной постели.

Вообще-то я согласился бы и на шанс один к миллиарду. Прожить всего два месяца – это все равно что не жить, там последний месяц сознание сбоит, а последние недели буду овощем, что срет в постели...

Выныривая из сна, я подумал, что дурной дом спятил: отодвигает тяжелые плотные шторы, приоткрыл окна, врубил музыку, ладно хоть тихо, сейчас еще ночь...

...нет, в окна бьет яркое солнце, Катенька сладко сопит, закинув на меня ногу почти до горла, теплая и мягкая, щека розовая, но когда оранжевый лучик упал на ее нежное лицо, веки тут же затрепетали, щекоча ресницами мне кожу на плече.

– Уже утро? – спросила она хриплым со сна голоском. – Что-то я в твоей постели всегда такая...

– Чудесная?

– Проспальная, – пояснила она сонно. – Давай вставай! Завтрак приготовил? Нет? Какой же ты мужчина...

– Уже готовится, – сообщил я. – У мужчин вкусы стандартные, так что я меню составил три месяца назад, когда купил кухонный комбайн, вот он и готовит, не переспрашивает.

– А я? – спросила она капризно. – Мои вкусы учел?

– Прости, – ответил я виновато, – ты такая редкая гостья. Скажи, когда явишься в следующий раз, я закажу роскошнейший ужин и дивный завтрак!

Она подумала, взглянула на меня оценивающе.

– Извини, не знаю сама. Тут, понимаешь, на работе появился еще и Кирилук Игорь, статный красавец из отдела маркетинга, сразу на меня глаз положил... В постели хорош, но что-то пока что настораживает. Слишком хорош, где-то подвох.

– Муж, – сказал я, – и теперь еще Кирилук... Понятно, почему на меня времени все меньше.

– Прости, – сказала она, – но мне, как говорит мама, пора определяться.

– С чего вдруг? – поинтересовался я. – Сроки вроде бы не поджимают.

– Ты о детях? – спросила она. – Да, еще десяток лет есть, а потом, правда, начинаются какие-то сбои в ДНК... Потому надо либо временный брак переводить в постоянный, либо чаще смотреть по сторонам.

– И тогда можно исправлять, – сказал я великодушно. – Правда, пока дорого, но все удешевляется!.. А потом и вообще железячки обещают пересадить нас в тела из металла.

– Я не готова, – сказала она рассудительно, – чтобы свое прекрасное тело... скажи, у меня прекрасное?.. Говори, а то приблю!.. не готова свое прекрасное тело менять на металлическое.

– А из полиметаллов? – спросил я хитро. – Кремнийорганики?... Я вот хоть сейчас!.. Это же так здорово находиться на острие прогресса!..

Она приподнялась на локте.

– Это чем пахнет на кухне?

– Вегетарианское мясо, – ответил я.

Она повела носом.

– Из баранины?

– Это вегетарианская баранина, – пояснил я. – Для вегетарианцев. Этих баранов кормили только растительной пищей. Кроме того, я – сыроед! Сейчас это модно.

Она выскользнула из постели, юркая, как бурундук, в мгновение ока оказалась на кухне. Я видел из постели, как приоткрыла дверцу плиты и понюхала поджаривающееся мясо.

– Пора снимать, вон какая румяная корочка!.. Не пережарь.

– В самый раз, – заверил я. – У меня плита настроена точно. Знает, что я стараюсь продлить жизнь, потому запрограммирована только на здоровую пищу без вредного холестерина, аликелина, батрадокса, гэмэо и даже нейродекста.

Я отшвырнул одеяло, поднялся, но шатнуло, я торопливо ухватился за спинку кровати.

Она сделала вид, что не заметила, прощebetала, как ни в чем не бывало:

– Ты что, уже такой старый?.. А я вот подумала, подсчитала и решила, что по всем прогнозам еще не буду дряхлой, когда бессмертие создадут. Или изобретут. И даже станет доступным для широких масс.

– Понял, – сказал я, – значит, не стоит сейчас тужиться, продлевать жизнь?

Она кивнула.

– Точно. Какая разница, стану бессмертной в семьдесят лет или в семьдесят пять?.. Пусть даже в восемьдесят! Потом все равно можно будет вернуть молодость...

– И вообще перестроить себя, – закончил я.

Она сказала мечтательно:

– Сперва верну себе свои восемнадцать лет... Или лучше семнадцать? Такая была восхитительная дуручка... Нет, только внешность той юной дуручки, но мозгами нынешнюю стерву...

– Ты не стерва, – возразил я. – Какая из тебя стерва?

– Нет? – спросила она жалобно. – А я так стараюсь!

– Для стервы у тебя базы маловато, – сообщил я. – К тому же стервой надо родиться. А потом, когда станешь молодой и подгонишь организм под моду того времени?

Она сперва не поняла, потом на лице проступило беспокойство, сказала почти жалобно:

– Биологи что-то придумают... У нашего тела еще есть резервы.

Я промолчал, оба знаем, что хотя резервы есть, но уже четко виден край, за который не выйти. Мы будем бессмертными, сможем прыгать на полста метров, поднимать одной рукой автомобили...

...однако даже простая замена биологической ткани на неорганику позволит прыгать на километры, поднимать одним пальцем грузовики, общаться со всем миром, но и то это самый первый шажок, за которым будет неизбежный полный отказ от привычного тела, конструирование всего организма по своей воле и прихотям, создавая себя по своим чертежам и задумке, добавляя или убирая какие-то эмоции, желания, способности.

Она зябко передернула плечами, плотно-плотно зажмурилась и прижалась ко мне всем телом с такой страстью, словно пыталась втиснуться и спрятаться в нем от надвигающегося опасного мира.

– Не хочу даже думать о таком страшном будущем. Слишком много возможностей! Это меня пугает.

– И не надо, – шепнул я ласково в ее макушку. – Не стоит пугаться заранее.

– Но уже страшно!

– Когда будущее приблизится, – сказал я, – оно не покажется таким страшным.

– Приблизится? – пискнула она. – Налетит! Как ураган... И сметет таких, как я, будто прошлогодние листья.

– Не дам, – заявил я твердо.

– Ты меня спасешь? – спросила она с надеждой.

– Спасу, – пообещал я, – укрою, защищу.

Она пискнула:

– А кормить?

– Кормить тоже буду, – пообещал я великодушно. – Животных мы все любим.

– А я какое животное?

– Хорошее, – ответил я и поцеловал ее в нос. – Мы вообще-то всех зверьков любим, но ты еще и хороший зверек. И почти не кусаешься!

– А ты меня не обижай, – заявила она.

– А когда я тебя обижаю?

– Всегда, – отрезала она победно и чисто по-женски. – Синтия звонила?

Я сказал потускневшим голосом:

– Мне кажется, она меня избегает.

– У нее много работы, – напомнила она. – А еще учеба в бизнес-центре. Уверена, как только у нее появится окошко, тут же примчится к тебе!

– Да ладно тебе...

– Точно, – заверила она. – Мы, женщины, такие. Как только освободились от вашего гнусного рабства, сразу все мысли о саморазвитии, а все любви во вторую очередь. Нам нужно наверстать отставание от мужчин, а потом, когда будем наравне, можно будет и о всяких там лямурах!

– Ты мое золото, – сказал я растроганно, – как бы я без тебя жил.

– Я твой друг, – напомнила она серьезным голосом, – и ты можешь всегда на меня положиться. Всегда!

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала в губы. Я пытался ухватить в объятия, но она увернулась и выскользнула из квартиры. На экране видеонаблюдения хорошо видно, как несется к лифту, вызвав его еще из прихожей, в тесной кабинке смотрится в зеркало, все в порядке, тушь не размазана, помада подобрана яркая, и на улицу выскочила легкая и быстрая, как стрекозка.

У меня еще час в запасе, успел просмотреть заголовки новостей, там в топе видео разрушенного Брюсселя, террористы Халифата нанесли особо мощный удар, оставив на месте столицы НАТО оплавленные руины. Город испарился, в сообщении было сказано, что

это месть за посылку армии гяуров в священную Мекку и осквернение Каабы.

Ниже мнение Госдепа, что это дело рук России, но российский МИД заявил, что НАТО уже не представляет для России угрозы и захватить Брюссель Россия могла бы в любой день, потеряв не больше взвода солдат и двух-трех танков.

Там же в топе сенсационное открытие Жабенюка Журавлевского, дескать, предком человека была обезьяна, живущая в норах. Отсюда у нас желание закрываться одеялом с головой и спать в абсолютной темноте.

Кто с кем из знаменитостей спит и от какой у кого дети, я пропустил, посмотрел напоследок сообщение о конгрессе психологов, где подняли тревогу, что преступность снизилась до ничтожного процента, а это недопустимо для развивающегося полноценного общества.

Дескать, пока человек – человек, он должен иметь возможность нарушать законы, воровать, хитрить, изменять жене, иначе постоянное давление моральных устоев взорвет его невротами, но с человеком вообще-то хрен с ним, но это же грозит и обществу, что намного опаснее.

Общество всегда было компромиссом между желательной правильностью и неизбежной неправильностью, что осталась у нас от животных предков. Потому нельзя ни объявлять сухой закон, ни запрещать казино и прочие азартные игры, даже уличную преступность нельзя уничтожать всю. Это приводит к угрожающему росту невротозов, опасным расстройствам психики, что в лучшем случае ведут к самоубийствам, но это выход для слабых, но в обществе есть и сильные, эти убивать будут уже не себя.

От двери донесся мелодичный голос:

– Сахиб, через десять минут нужно выйти.

– Спасибо, раб, – ответил я. – Карета подана?

– Паланкин, – ответил электронный секретарь. – С четырьмя колесами. Кстати, сегодня я не раб, а рабыня.

– Это лучше, – сказал я и тут же спохватился, сказал громко, – хотя мне все равно, как правильному и законопослушному гражданину. Да здравствуют демократические свободы! Слава героям!

– Героям слава, – ответил голос.

Либерализация на марше: сейчас если совокупаешься только с женщинами, могут впаять штраф за нетолерантность и сексизм. И хотя случаев штрафов пока еще не замечено, однако несколько особо злостных нарушителей на Западе, открыто заявивших, что копулироваться будут только с женщинами, по суду привлечены к принудительным работам, а двое или трое и вовсе оказались в тюрьмах смешанного содержания.

Правда, сейчас все тюрьмы по закону о равноправии и толерантности перевели на смешанное, и никого уже не удивляют мужчины и женщины как в общих камерах, так и в камерах на двоих.

У нас пока еще только разговоры, но Россия – часть общего культурного пространства Европы, так что и здесь будут действовать те же законы, хоть и с запозданием.

Автомобиль по команде моего продвинутого секретаря подъехал точно в ту секунду, как я вышел из подъезда, распахнул дверцу справа и, едва я сел, торопливо шуганул в сторону, давая место другому.

Он у меня еще старой конструкции, с рулем, а с прошлого года все фирмы торопливо перешли на выпуск без этого анахронизма, но я не комплекую, сейчас все ускорилося,

никому не удается быть долго в окружении самых навороченных гаджетов.

Даже на городских улицах скорость не меньше сотни, а за городом так и вовсе за сто пятьдесят, но автоматическая система следит, чтобы нигде не возникали пробки, километры наматываются шустро, я начал слушать последний выпуск новостей.

Авто подкатил на большой скорости к подъезду здания нашего центра. Не дослушав, я торопливо вышел, чтобы не задерживать следующие, а машина ринулась к стоянке, спеша захватить место, где будет ждать конца моего рабочего дня, скачивать апгрейды, слушать музыку, играть в простенькие игры, старательно повышая свой электронный интеллект.

По ступенькам я поднимался, хватаясь за перила. С дверью пришлось побороться, тугая пружина, охранник увидел и поспешил на помощь. Уже знает, что я дистрофик и не жилец.

В холле меня обогнали Щербатко и Гуцулов, сотрудники соседней лаборатории. Щербатко, хотя он всегда пишет свою фамилию как «Щербатько» и объясняет всякий раз, что ведет свой род от знаменитого Щербаня, того самого, который в Запорожской Сечи однажды что-то там, а Гуцулов просто Гуцулов, оба бодрые и шумные, даже не подумали ждать лифта, сразу ринулись по лестнице, так модно и рекомендуемо медиками.

Увы, мои мышцы слабеют уже не год от года, а начали сдавать по месяцам, а то и неделям. За спиной приближающиеся голоса Лелекина и Косенкова, вдруг шаги ускорились, это лифт высадил порцию пассажиров сверху, но, взяв одного внизу, тут же захлопнул двери.

Слышно было, как понесся по трубе ввысь. Лелекин посмотрел на дверь с укором.

– Косьян, – спросил он, – говорят, переходишь на другую работу?

– Нет, – сообщил Косенков, – вообще в другую фирму. Буду переучивать пожилых!

Лелекин хохотнул.

– Чего? Да сейчас и молодым работы не хватает!

Косенков сказал почти шепотом:

– Ты не заметил, что профессии исчезают одна за другой? И процесс ускоряется?.. В этом году исчезнут последние переводчики, почтальоны, библиотекари, аптекари, продавцы, а к концу года начнут исчезать бизнес-аналитики, прорабы, операционистки, стюардессы... Их уже заменяют роботами, а людей куда?

– Думаешь, – спросил Лелекин скептически, – старики могут переучиться?

– Есть новые методики, – заверил Косенков таинственным голосом. – Обезьян даже выучивают!

Двери второй шахты открылись, приглашая в просторный лифт, Лелекин и Косенков заспешили к нему, я слышал, как Лелекин ответил беспечно:

– Когда мое место сократят, лучше буду жить на пособие.

Я дождался лифта, без него на двадцать четвертый этаж не поднялся бы все равно, будь даже совершенно здоровым. В тесной кабинке почему-то вспомнил Катеньку, она мой лучший и вообще единственный друг, без нее хреново. Особенно, когда процесс моей нейродегенерации начал ускоряться, только она осталась у меня опорой. Завидую ее мужу, а также бойфренду Кирилюку хорошей белой завистью.

Моя невеста, Синтия, в последнее время начала от меня осторожно отодвигаться. Не хочется о ней такое думать, но, видимо, потому так, что люди с моим редким заболеванием в среднем доживают до двадцати пяти, а мне уже двадцать девять, но методов лечения на горизонте не видно и не предвидится.

Мы были прекрасной парой, так все говорили, я – молодой ученый, нейрофизиолог,

доктор наук, перспективный, в нашем научном центре меня считают восходящей звездой, но, возможно, мои мыслительные способности усилены как раз за счет того, что у меня серьезный сбой в генах. Даже не в генах, в одном-единственном... хотя от этого не легче.

Да и последнее время больше времени провожу в лаборатории, а Синтия все-таки из мира гламурного дизайна, потому последнее время просто приходила ко мне сразу домой, на ночь теперь не остается, а я с горечью чувствую, как медленно отдаляется, и ничего не могу сделать.

В нашем научно-исследовательском центре с полсотни лабораторий, в которых с разных сторон и с помощью разных методов атакуем самую главную твердыню биологии: антиэйджинг, то есть резкое продление жизни, а за ним и бессмертие.

Я тяжело опустился за стол, где половину площади занимает хай-тековый микроскоп, по мощи превосходит электронный, но не убивает живое излучением, что для моей работы критически важно.

Неделю тому вот в этом кресле я и сидел, сжимаясь в комок, когда грузный и неповоротливый Медведев, которому как никому идет его фамилия, приблизился ко мне со шприцем в руке. Как сейчас помню, шприц показался огромным, хотя на самом деле совсем крохотный, мне всего лишь запустят белок, что отыщет поврежденный ген, а там особый фермент в белке разрежет мутантную ДНК пополам, после чего начнется регенерация, точнее – рекомбинация, при котором клетка восстановится целиком уже с правильной комбинацией генов.

Меня потряхивало, такие опыты пока проделывали на нематодах и дрозофилах, но если мне все равно вот-вот склеивать лапы, то что я теряю?

Лазаренко, зам зава лаборатории, вошел тогда за Медведевым следом и, жутко нервничая, встал у двери, чтобы никто случайно не заглянул.

Как сейчас помню вкрадчивый шепот Медведева:

– Можешь закрыть глаза. Я, правда, не уверен, что не перепутал шприц...

Лазаренко прошипел от двери:

– Давай быстрее!.. Я неделю составлял, все точно!

– Знаю, – сказал Медведев серьезным голосом. – То-то раствор мутный, вижу капли твоего пота...

– Давай быстрее, – повторил и я за Лазаренко вздрагивающим голосом. – Не наслаждайся моментом...

Он ухмыльнулся.

– А это, кстати, момент исторический. Так пока избавляют только от СПИДа, гемофилии, еще чего-то редкого, а через пару лет сможем навсегда убирать гены, что приводят к раку, сахарному диабету и даже к насморку...

В шею кольнуло, я замер, а Медведев, подержав иглу в вене, медленно потянул обратно.

– Все, – сказал он. – Теперь только ждать, когда залатает. Думаю, через недельку уже можно просмотреть геном заново.

Лазаренко сказал с изумлением:

– Почему через недельку? Уже завтра можно!

Медведев сказал со злорадством:

– А это чтоб помучался. Должен же я отомстить, что третий раз обгоняет меня на драконе?.. А медведь, который его носит под мышкой? И легендарный меч у него не то краденый, не то считеренный... У меня такого все еще нет, хотя я в байме уже третий год!

Громко хлопнула дверь, я вздрогнул, выныривая из воспоминаний. В лабораторию вдвинулся всей тушей Медведев, могучий, толстый и косопалый от собственной неуклюжей могучести. Вес у него зашкаливает за двести килограммов, но особенно толстым не выглядит из-за природной ловкости и грохочущего жизнелюбия, к тому же у него действительно толстая и широкая кость, широкая морда, жопа и плечи, так что объемистый живот как бы и не совсем живот, вон на боках отложения еще мощнее.

Сейчас он веселый и бодрый, даже напевает что-то бравурное, лучшее из доказательств, что мои дела хреннее некуда...

– Привет, дистрофик, – сказал он громко. – Хорошо выглядишь! Цвет лица такой свежий, зеленый!.. Как у муромского огурчика. Или корнишона, как теперь говорят все чаще.

– Ну да, – ответил я слабо, – конечно...

Улыбаюсь ему жалко, он мне в ответ натужно весело, оба брешем, но мы же в обществе, так что брехать надо, мы же люди воспитанные.

– Все проверили, – сообщил он бодро. – Срослось хорошо!.. У тебя сильное воспаление, так что заживление на высоте, поздравляю. Правда, случилась небольшая... В общем, непредвиденное. Обычно, как сам знаешь, после операции порченная половинка дохнет и рассасывается, а здоровая разрастается и принимает на себя те функции, которые раньше были у неправильной...

– А что у меня?

Он развел руками.

– У тебя отмерла здоровая, а испорченная начала разрастаться. Так еще ни разу не случалось, но вообще-то статистики у нас пока что нет... Знаешь, получилась не совсем искусственная ДНК, она твоя родная, но такие в природе не встречаются. Сейчас спешно ищем вариант, как остановить ее преступную деятельность... Думаю, через недельку операцию можно будет повторить.

– Да я хоть сейчас, – ответил я жалко. – Чувствую себя так же хреново, но не хуже, чем было.

Он помялся, ответил, отводя взгляд:

– Сейчас мы сами не готовы, дружище. Ты же знаешь, сколько надо сделать до того, как. Куда там ювелирам и всяким там златокузнецам до нашего левла!

– Блин, – прошептал я, – ну что за хрень... Почему это со мной...

Он сказал веско:

– Природа мудра, друг мой. Мы – последние в многомиллиардной цепи существ, абсолютное большинство которых погибло в самом начале пути, еще не добравшись даже до половой зрелости. Ты и дожил до этого возраста только потому, что природа мудро заблокировала этот ген.

Я спросил настороженно:

– Тогда почему сразу не убрала?

Он мягко улыбнулся.

– Сам догадайся. Это же просто. Природа все делает правильно, но... очень медленно, перебирая варианты методом тыка... Этот ген у людей убрала и продолжает убирать, как только он где-то выныривает. Возможно, ты единственный, добравшийся с таким дефектом

до нашего времени? Сейчас его можно сравнить с предохранителем на кнопке форсажа, запуск которого тебя быстро сожжет. Или столкнет с обществом.

– Колдун древних времен? – спросил я. – Таких сжигали?

– Или погибали сами, – ответил он. – Это ж такая нагрузка на мозг... Да и сам человек, не понимая, что с ним, мог либо сойти с ума, либо прыгнуть в пропасть, считая себя одержимым дьяволом. Со временем природа выработала защиту, наложив на этот ген заплатку.

Я пробормотал невесело:

– Которая все равно быстро изнашивается.

– Да, – согласился он, – но природа продолжает накладывать все более прочные. Думаю, сперва изнашивались за сутки, это ни на чем не основанное предположение, потом за неделю, месяц, год... За несколько десятков тысяч лет срок возрос, как видишь, до двадцати девяти лет, что просто здорово!

Я буркнул:

– Природа не торопится.

– Это ее стиль работы, – согласился он. – К счастью для тебя. Лазаренко уже прочесал миллионы букв твоей ДНК в поисках двадцатичетырехбуквенной последовательности, входящей в состав патологического гена. Бодрись. Ребята по его результатам спешно готовят новую, ну просто бронебойную заплатку!.. Как только будет готова, тут же тебе и вколю... Ну разве что буду пьяным или на футболе... Или уеду на рыбалку...

Я спросил с надеждой:

– А они успеют?

– Ребята и спят в лаборатории, – ответил он с мягким упреком. – Думаю, за неделю все сделают. И повторим. Мы не дадим тебе отбросить копыта! Кто же будет бегать за кофе?

Дверь открылась, Лазаренко вошел на цыпочках и воровато огляделся.

– Только поменьше болтайте, – сказал он свистящим шепотом. – Это и противозаконно, и даже... аморально.

Медведев громко хрюкнул, вытаращил глаза.

– Чего? Какая-то мораль? Па-а-адумаешь... Лет через десять о ней вообще забудут.

Лазаренко, как более консервативный, а еще и администратор, что обязан стоять на страже законов и морали, проворчал:

– Какая-то мораль да будет. Изменится, но совсем без нее как жить?

– Ха, – сказал Медведев. – Сейчас какой год?.. Две тысячи двадцатый!.. Помните? Курцвейл на две тысячи тридцатый предсказывал бессмертие, но потом сдвинул на две тысячи сорок пятый. Еще через год посчитал лучше и назвал две тысяча семидесятый год. На этот раз с ним согласились все эксперты. Да, в семидесятом станем бессмертными. Это всего через пятьдесят лет!.. Вы хоть представляете, что начнется, когда приблизимся?.. Сейчас никто об этом не думает, а когда до бессмертия останется год-два?.. Да человек на любое преступление пойдет, чтобы заполучить бессмертие! Какая мораль?..

На нас пахнуло космическим холодом. Лазаренко беспокойно подвигал плечами, впереди поднимается в кровавом закате пожаров страшноватое время переходного периода. Да, когда все будут бессмертными – это одно, но страшное время, когда станет понятно, что все люди бессмертие получить не могут.

Хлопнула дверь, осторожно вошла Моника, держа перед собой картонную коробку с десятком чашек ай-петри. Подчеркнуто модная, вся расцвечена татуировкой, и хотя теперь

это не только у эзков, но в моих глазах еще при первом появлении передвинуло ее в разряд дешевых шлюх. Дешевых не в том смысле, что роются в помойках, дешевыми могут быть и бабищи, щеголяющие бриллиантами в миллионы долларов, а дешевых в том, правильно понимаемом.

Вообще-то не могу себе представить леди, которая украсила бы себя татуировкой, а вот актрису – да, особенно, если взяли с помойки Детройта.

Она ощутила с моей стороны нечто, женщины все-таки близки к животным, что лучше нас, людей, чувствуют колебание атмосферы, магнитные и солнечные бури, а также приближение землетрясений.

– Не нравлюсь? – поинтересовалась она с холодной неприязнью.

– Напротив, – ответил я галантно, – восторгаюсь женщинами, у которых настолько развита интуиция...

– ...что мозги таким незачем? – договорила она. – Ладно-ладно, тысячу раз такое слышала. Вы мне тоже не нравитесь, так что квиты.

– Убьюсь ап стену, – пообещал я.

Медведев жизнерадостно заржал.

– Вы чего? Такая конфронтация говорит, что скоро окажетесь в одной постели!

Она фыркнула, взяла приготовленный для нее набор инструментов и ушла, не удостоив нас ответом.

– Хороша, – сказал Медведев оценивающе. – Так и тянет к плохим девочкам... но все же я их боюсь. А вот тебе все равно, так что вперед!

– Свинья, – сказал я беззлобно.

– А что, – ответил он. – Умереть в ее постели романтичнее, чем...

Он заржал еще громче и тоже удалился, колыхая животом и объемными боками.

Через полчаса явился еще один из наших, Краснокутский, деликатнейший и мягкий, он вздыхал и мялся, даже краснел как-то пятнами, наконец проговорил, глядя в сторону:

– Володя, придется повторить...

Я спросил вяло, уже зная от Медведева, что случилось не совсем то, на что надеялись, несмотря на мизерные шансы:

– А что не так? Белок не отыскал поврежденный ген?

– Отыскал, – ответил он хмуро. – И разрезал...

– И что? Не удалось регенерировать?

Он вздохнул.

– Понимаешь... должна была регенерировать та половина, что со здоровыми генами...

Я проговорил:

– Знаю, рекомбинировалась мутантная. Медведев тебя выдал с потрохами.

Он сказал быстро:

– Ты какая-то странная дрозифила! У тебя все не так. У них так, а у тебя не так. Но ты не волнуйся. Мы ищем варианты!

– Какие? – сказал я с тоской. – Теперь если разрезать, то какая бы половинка ни восстановилась, будет та же мутантная.

– Лазаренко сейчас работает над цельной заплаткой, – сказал он торопливо. – Просто наложим сверху на весь участок. И все!

Я смолчал, да и он отводит взгляд, заплатка закрывает часть генов, то есть выведет их из

строю. Фактически уничтожит. А все гены, даже так называемые мусорные, со временем оказываются для чего-то просто необходимы. Отсутствие их открывает дорогу всяким разным и неизлечимым болезням, так называемым генетического происхождения.

– Хорошо, – сказал я, – самую скучную работу сбрасывайте мне. Я теперь сплю плохо, могу поработать и ночью.

Он кивнул и торопливо ушел, а я подумал, что не везло всегда именно мне. И даже сейчас, когда у всех в подобных случаях здоровая половинка ДНК разрастается и на другую половину, у меня почему-то больная повела себя, как доминант, вытеснив здоровую полностью.

Хотя, конечно, «у всех», сказано громко, пока что только пятерым дрозофилам сумели исправить испорченную ДНК. Слишком уж долгий и трудный процесс, только-только отдельные энтузиасты начинают переходить к опытам на мышах, но там и труднее, да и ждать приходится намного дольше, потому что мыши живут два года, а дрозофила считанные дни.

Перед обедом распахнулась дверь, через порог грузно переступил Медведев, привычно бодрый, толстый, румяный и со щеками на плечах, в руке гигантский гамбургер.

Зав. сектором по приборам и оборудованию, чуть ли не администратор, что не мешает ему оставаться кандидатом наук в едва ли не самом перспективном направлении исследований, генное модифицирование, особенно в CRISPR, а также самым толстым во всем нашем центре.

– Будешь? – спросил он и сделал вид, что в самом деле предлагает мне бутерброд. – Правильно, тебе вредно... А мне можно. Слушай, я вот что подумал... Та заплатка, что тебе хотят поставить на дырку в геноме, очень подавит твой иммунитет...

– Еще и это, – сказал я вяло. – А что-нибудь хорошее брякнуть можешь?

– Да, – ответил он счастливо. – Ты будешь еще и уязвим для любого вируса! Это же здорово, понимаешь? А их, представляешь, сотни миллиардов только в этой комнате. Тебе придется всю жизнь принимать препараты сенгердил и акваперд.

– Блин, – сказал я. – Дорогие штуки... Обе.

– А мы их тут и синтезируем, – заверил он и подмигнул. – Все путем. Зато есть и замечательные возможности!

– Ну-ну?

– Если тебе вдруг понадобится, – сообщил он, – пересадить сердце или печень, то твой ослабленный организм не станет их отторгать, как поступает любой здоровый, а просто смирится.

Я сказал безнадежным голосом:

– У меня все вроде бы в порядке, пересадки не нужны. Блин, что у нас за жизнь, от одного не удастся спастись, как прыгаешь прямо в пасть чему-то еще более страшному.

Он повздыхал, развел руками.

– Эта странная матрица называется жизнь.

Я сказал сварливо:

– Но ты же не так просто пришел?

Он сказал виновато:

– Знаешь, я тут подумал, тебе же теперь все равно...

– Ну спасибо, – сказал я саркастически.

– Прости, – быстро сказал он, но по виду не заметно, что извиняется, настоящие ученые

думают прежде всего о деле, он ожидает, что и я таков даже на пороге смерти, – я имел в виду, что у тебя эти... сроки. Есть одна революционная идея... Думаю, мир перевернет! Даже если не получится. Ну, не перевернет, так тряхнет. Или трахнет. Если ты, конечно, согласен. Что-то да успеем понять. А если все сложится, то может быть и вообще...

Я сказал с тяжелым сарказмом:

– Ну спасибо за «успеем понять». Мне так приятно, что успею помочь с набором материала для твоей докторской.

– Ты настоящий друг, – сказал он с жаром. – А на титульной я напишу что-то вроде благодарности безвременно почившему другу, который помог личным вкладом в мое гениальное открытие.

– Гад ты, – сказал я беззлобно. – Как можно смеяться над вопросами жизни и смерти, над которыми ломали головы Карл Маркс и Ларошфуко?

Он спросил:

– А кто такой Ларошфуко?

– Не знаю, – ответил я, – но фамилия такая яркая, запоминается.

– Это имя, – предположил он. – Ларош – по-венгерски Иван, а Фуко – французский министр тайной полиции. Тоже имя... наверное. Хорошо, я тут кое-что подготовил, давай сразу и начнем? Вот только бутерброд дожру.

Он не бессердечный, просто нормальный ученый, а в нашем мире нормальность то, что в широком мире называется сдвинутостью. Мне считаную пару месяцев топтать зеленый ряс, и он рассчитывает, что я такой же фанат, как и он, потому и. Вообще-то я в самом деле малость фанат, но все-таки было бы легче, если бы свои эксперименты проводил не на мне под бодрым лозунгом «Тебе же все равно!».

Дескать, ни червяк, ни даже мышь не расскажет, что чувствует, а ты сможешь, дружище, перед тем, как склеить лапы, ты же разговорчивый.

При той слабости, что одолевает в последнее время, я начал оставаться в лаборатории и на ночь. Никого не удивило, многие время от времени, заигравшись с митохондриями и аксонами, не успевают к ночи вернуться домой, звонят, объясняются с родными и женами, а потом с облегчением поработав еще, обустроиваются на короткий сон где-нибудь на диване, если повезет, или в одном из кресел в холле.

Вокруг меня и группы моего сектора повисла завеса молчания. Никто официально вроде бы не знает, что со мной была операция на CRISPRе, опыты над людьми запрещены, умирать нам можно, но пытаться спасти вот такими методами низзя.

В лаборатории все понимают, что переступаем границы не морали, она за нас, а закона, потому делают вид, что вообще нас почти не видят, и не интересуются, как там у нас дела. И тут тоже.

Стресс вроде бы полезен, так утверждают специалисты, а вот сильный стресс может как убить, так и сдвинуть что-то на пользу. В теории, конечно, пока еще не было случая, чтобы стресс что-то сделал заметно полезное, кроме случаев исцеления от рака, но рак вообще-то пустяки, нейродегенерация звучит не так страшно, но средства от нее пока нет, хотя вроде совсем ерунда: изменить всего лишь один ген...

Сперва я чувствовал только жар и нарастающую усталость, потом как-то отключился вовсе прямо за столом в лаборатории, бредил, очнувшись уже на диване, встревоженное лицо Лазаренко нависало надо мной частенько, что-то выпытывал, я отвечал в полузабытьи, снова отрубался.

Когда наконец пришел в себя, надо мной стояли Лазаренко, Лелекин и Медведев, встревоженные и почти осунувшиеся.

Лазаренко первым увидел, что я очнулся, сказал с облечением:

– Ты как? Есть хорошая новость, воспаление сняли... Вроде бы. По показаниям. Представляешь, у тебя воспалилась вся кора головного мозга!.. Ну, почти вся. Может быть, и не только головного, но я не проктолог, это ты мне скажи, как там глубже по ощущениям... наверное, интересно? Знаешь, вроде бы гепатоцеребральная дистрофия идет на убыль, но общую нейродегенерацию пока остановить не удалось... пока, конечно.

– Дай прийти в себя, – проговорил я слабым, как у мелкой мыши голосом. – Меня не кормили, да?

– Голод полезен, – заявил он. – У тебя как бы лечебное голодание!

– Посмотри в зеркало, – посоветовал я. – А теперь возьми у Медведева и неси сюда всю его корзинку с бутербродами.

Медведев сказал встревоженно:

– А ты что, их есть будешь?.. Нет, не дам уничтожать продукты. Тебе же все равно, зачем еще и продукты переводить?

– А тебе жрать можно?

– Я не жру, – ответил он с достоинством, – и даже не ем. Есть – это грубо. Я смакую, тем самым выказывая им высшую степень восторга и восхищения.

– Жадина ты, – сказал я. – Ладно, вызови мне такси. Чувствую, на своей не смогу.

Лазаренко кашлянул и сказал с сочувствием:

– Я довезу. Нам же почти по дороге! Завезу тебя, а потом на магистраль и через полчаса

уже у себя дома.

– Нет, – возразил Медведев, – я отвезу. Он живой материал для моей диссертации!.. Давай поднимайся, дохлячок... Какие у тебя верхние конечности тоненькие... Наверное, задние вообще...

Он поддерживал меня все дорогу до лифта, в самой кабинке и чуть ли не на руках вынес к машине. Охранник проводил меня тем особым взглядом, что, дескать, больше не увидимся, на кладбище придут самые близкие, а он в их число не входит. К счастью.

Медведев бережно усадил меня на соседнее кресло, захлопнул дверцу и, обойдя машину спереди, сел за руль.

– Пристегнуться сможешь? А то рассыплешься при резком торможении... Нет, давай я сам тебя... Может быть, ремень сразу на горло?

– Добрый ты, – ответил я слабым голосом. – Фаталити...

Он хохотнул.

– И гуманный!.. Прямо с ног до головы. Весь из себя гуманист. Всех бы перебил, лишь бы войны не было... Упрись ногами, впереди крутой поворот.

– Зачем? – спросил я.

– Люблю крутые повороты, – заявил он с лихостью в голосе. – Жить надо лихо!..

– Лихо, – сказал я слабо, – это плохо. Не буди лихо, пока спит...

Он хохотнул снова.

– Интересная штука жизнь? Лихо – плохо, а лихой – хорошо!.. Вот так и живем на противоречиях.

Он гнал автомобиль на большой скорости, но в центре компьютер перехватил управление, повел авто почти так же быстро, но математически точно просчитывая дорогу, препятствия, скорость и массу соседних машин, а когда проскочили запруженные улицы, позволил человеку снова взять управление на себя.

Я вздохнул, Медведев покосился на меня с живейшим интересом.

– Не знаю, – сказал он наконец, – насколько это сработало, но ты чуть не склеил ласты, а сейчас вон уже румянец во всю щеку!.. Или это моя езда тебя так взбодрила?

– Лихорадка, – ответил я вяло.

– Лихорадка, – заявил он, – это хорошо. Это здорово! Выздоровливаешь, вот что. Организм борется. Чувствует, что надо, иначе потеряет все. Достоевский с азартом делал бомбу, чтобы убить царя, и не думал о ценности жизни ни своей, ни чужой, но когда стоял на виселице с петлей на шее и до смерти оставались секунды, понял, насколько много теряет!..

Я пробормотал:

– Да теперь это многие понимают. Не так остро, как Достоевский, но достаточно отчетливо, чтобы стараться продлить себе жизнь. Даже ценой отказа от сладкого, жирного, поджаренного...

– Но-но, – сказал он предостерегающе. – И не начинай. Не стану отказываться от сладкого, жирного, поджаренного, печеного, вареного и тушеного... А также соленого и перченого. Да, а еще со специями! Знаешь, я такой себе вчера аэрогриль купил!.. Курицу за четыре минуты готовит! И такая нежная, сочная, в своем соку, корочка хрустящая, коричневая, тает во рту...

– Заткнись, – прервал я, – уже слюнями захлебываюсь. Но все равно к тебе не поеду.

– Что так?

– В прошлый раз чуть не лопнул! – сказал я обвиняюще. – Мне у тебя питаться вредно. Я

на твоей диете за месяц бы двести килограммов добавил сверху.

Он довольно заржал, крупный и чем-то похожий на профессора Челленджера.

– А я вот больше не набираю, – добавил он победно. – Сколько ни жру, а все те же двести кило!.. Организм понимает, что для красоты больше и не надо.

Дома пришлось отключить рободока, дурень дважды вызывал «Скорую», а что могут сделать простые и очень простые врачи? Я извинялся за дурака, что реагирует на скачки давления и резкое учащение пульса, что всего лишь эхо процессов, происходящих в моем мозгу.

А ночью ближе к утру пришла странная ясность, ушла тупая давящая боль, что достает уже несколько месяцев, я ощутил, как начинаю вспоминать всякую давно позабытую хрень, вроде того как ходил в детский сад, как ловил в детстве пескариков...

Вообще-то у меня дисциплинированный мозг, и немногими ресурсами, все еще оставшимися у меня, распорядился экономно, воспоминания детства давно стерты, так что даже и не знаю, что сейчас за воспаление, сумевшее воскресить из глубин памяти старые образы.

Пролежал все утро, наслаждаясь странным состоянием, когда мозг восстанавливает угасшие было нейроны, воскрешает даже бесполезные мелочи. В самом мощном компе, установленном в Аризоне, сто триллионов байт, это единица с четырнадцатью нулями, в мозгу же легко размещается столько байт, что понадобится единица с восемью тысячами четыреста тридцатью двумя нулями.

Конечно, почти все заполнено такой хренью, что даже дураку было бы стыдно хранить подобное, но в мозг записывается без нашего разрешения, а сейчас, как я ощущаю в каком-то странном озарении, вроде бы пошел рост аксонов, дендриты начнут прорастать чуть позже, даже нейроны восстанавливаются, утолщаются...

Ничем другим не могу объяснить свое состояние, но этот неконтролируемый рост может как остановиться в любой момент, так и привести к гипертрофии, что гораздо вероятнее, и я кончусь гораздо раньше, чем получилось бы при дистрофии нейронов.

Голова внезапно разболелась так сильно и неожиданно, что я попытался встать, у меня в столе наготове сильные обезболивающие, но перед глазами все поплыло, ноги подкосились, и рухнул рядом с кроватью.

Пробуждение было тяжелым, голова налита горячим свинцом, но мозг работает. Я попытался мысленно прогнать пару простеньких тестов, получилось, вспомнил посложнее, тоже получилось.

– Еще не маразматик, – пробормотал я. – Еще человек...

Инет врубился по взмаху руки, движением пальцев в воздухе быстро отыскал тесты посложнее, с трепетом в груди начал проходить... Легко, а этот еще легче, тоже простенький...

Голод заставил двинуться к холодильнику, я сам не ожидал от себя, что начну не есть, а именно жрать, как дикая свинья, которую не кормили неделю.

Вообще-то мозг потребляет четверть всей энергии организма, так что моему еды сейчас нужно даже больше, а лучше еще больше. Как же все-таки хорошо чувствовать себя с полноценным, надеюсь, мозгом! Раньше приходилось для активной работы буквально отключать в себе все отделы, чтобы хотя бы один мог в полную силу...

После еды навалилась дикая сонливость, я дотащился до постели, все верно, спать

необходимо, во сне мозг восстанавливается, наращивает новые нейроны или хотя бы восстанавливает связи между существующими.

Еще два дня я ел, спал, снова ел, продукты заказывал в службе доставки, снова ел и все так же, лежа в постели, шарил по инету. Вообще-то технический прогресс ускоряется уже так, что даже я не успеваю следить за новинками. Не только вообще, а за прорывами в медицине, биотехнологиях, где мое поле, а железячники вообще в раже, каждый день создают что-то апгрейденное, улучшенное, мощное, компактное.

Словно ветерком пахнуло в лицо, на экране начали сменяться страницы с новостями хай-тека в биологии. Я задержал дыхание, страница с описанием, как ускорить рост аксонов, застыла, но едва я выпустил воздух, как тут же сменилась другой.

– Да что же за хрень, – проговорил я охрипшим голосом, – я не шевелил и пальцем...

У меня тренированный мозг, все-таки доктор наук, но сейчас с трудом поверил, что перелистываю не движениями пальцев, не гримасами или морганием, как делал раньше, а именно мысленно, что умеют делать самые чуткие из добровольцев после недель тренировок.

Передохнул, сходил на кухню, поел, напился горячего кофе и снова принялся экспериментировать. Да, перелистываю с легкостью. И не только перелистываю, а нахожу все быстрее и быстрее информацию по своей теме церебральной атрофии головного мозга.

Правда, могу и другие темы, просто по своим темам проще, многие адреса мозг запомнил и сразу же выдает страницы научных журналов и специализированных изданий.

Поздно вечером тихо звякнул сигнал вызова, нарочито приглушенный на тот случай, если вдруг сплю, я же тяжело больной.

Я чиркнул по воздуху справа налево указательным, экран засветился, там озабоченное лицо Лазаренко, но пока меня не видит, связь работает только в одну сторону на случай, если общаться не возжелаю.

Согнув указательный, я включил соединение, Лазаренко всмотрелся в меня и сказал бодро:

– О, хорошо выглядишь!..

– Желтый, – поинтересовался я, – или уже зеленый?

Он хохотнул.

– Еще и шутишь!.. Прекрасно. Завтра придешь?

Я проговорил вяло:

– Наверное, у меня депрессия... Никогда даже не знал, что это такое, а вот сейчас...

Лежу и думаю, а нужна ли наша мокростая работа вообще...

Он охнул, вытаращил глаза.

– Ты что?.. Мы спасаем людям жизни! Через десяток лет сможем выращивать не просто внутренности, как уже начали, а с легкостью руки и ноги целиком!..

Я пробормотал:

– Но железячники уже почти догнали. Там Ицков их кнутом и пряником... Потом пойдут с нами ноздря в ноздю. Только вот, если честно, у них перспективнее.

Он поморщился.

– Рука человека – целая вселенная!.. А заменить ее простой железкой?

– Если честно, – ответил я, – простому человеку как-то без разницы, сколько сотен миллиардов там клеток, какие нервы... Ему нужно, чтобы работала и не капризничала... Но ты прав, что-то я какой-то не такой. На всякие депрессии мы права не имеем. Приду!

Работать все равно надо.

– Ждем, – сказал он. – Значит, пока отменить сбор денег? А то Медведев уже ходит с шапкой по лаборатории и собирает тебе на венок... Скотина, точно отщипнет половину в свой карман.

– Отменить, – ответил я. – Временно. До прояснения.

– Хорошо, – сказал он, – хотя, конечно, уже и надпись прочувствованную придумали!

– Приду, – пообещал я, – отредактирую.

– А Лелекин голову ломает над пышным некрологом... Сколько работы зря сделано...

Ну да ладно, живой так живой... Ждем!

Экран погас, я вздохнул и вышел на балкон, чего уже давно не делал. Шуточки грубые, но как раз они к месту больше, чем жалостливые взгляды и перешептывания за спиной на тему, как ужасно выгляжу.

Мой дом считается высотным, а квартиру снимаю под самой крышей, так что взгляд скользит над постройками вдаль. Там еще один спальный район, за которым такой древний лес, что вот-вот из него выйдут древние славяне или еще более древние тевтоны.

Свежий ветерок со стороны леса, всю западную часть неба охватил красочный закат. Я поймал себя на мысли, что вот мазнул взглядом и через мгновение думаю о другом. А сперва, когда сюда переехал, каждый вечер любовался в диком восторге, щелкал фотоаппаратом, снимал на видео, отбирал лучшие моменты и постил в фейсбуке, инстаграмме, помещал в дроббоксы и другие хранилища, чтобы не потерять такую дивную красоту.

Но закаты ладно, привык, потерялась острота ощущений, зато и помимо них много интересного, но... если жизнь будет все удлиняться, новинок не остается, и неужели мир станет таким же безразличным, как вот сейчас эти закаты?

А когда люди станут бессмертными, то и вовсе... Или смогут любоваться дивным зрелищем расщепления бозонов?

Среди ночи проснулся от дикой боли в черепе. Перед глазами дрожит и трясется какая-то мерцающая пелена, в висках стучат молотки, сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет.

Сполз с кровати, чувствуя, что задыхаюсь в душной комнате, толкнул дверь на балкон. Внизу панорама ночного города, везде огни, но перед глазами поплыло, я торопливо ухватился за перила.

Голова все еще кружится, глаза плотно закрыл, однако там продолжает мельтешить калейдоскоп из цифр, строк, графиков, наложенных одно на другое фото, и все в таком жутком темпе, что вижу только призрачный и трепещущий блюр.

– Спокойно, – проговорил я с бешено стучащим сердцем, – это же дополненная реальность сообщает обо всем на свете, хотя я эту заразу и не спрашивал... Заткнись... отключись, дура!.. Фу, плюнь!

Мельтешение исчезло, только кровь продолжает шуметь в ушах, успокаиваясь настолько медленно, что продрог на продуваемом всеми ветрами балконе и начал стучать зубами.

Наконец все как-то замедлилось, и тогда только попытался взять весь этот хаос под контроль могучего мозга, единственного, что у меня еще не затронуто нейродегенерацией, так как мозг сдается последним.

С одной стороны, как же здорово, что не требуется экран дисплея или телевизора, все картинки пруг неорганизованным стадом сразу в мозг, с другой стороны – дисплей выключаю, когда изволю, а в мозг прет и прет, его можно выключить только, если разогнаться и головой в стену.

– Возьми себя в тощие руки, – велел я зло. – Организм борется, а ты на закаты смотришь, дурак?.. Давай, пока не рехнулся!..

Отключив в квартире все, даже свет, я с закрытыми глазами пытался так и эдак управлять тем, что сейчас творится в моем черепе. Пару раз удалось отключить этот белый шум, уцепился за ниточку, пошел по ней, еще и еще попытки, наконец отрубил его окончательно...

...но все равно получаю полную информацию о том, на что смотрю, будь это скользящие далеко внизу автомобили, стена балкона или звездное небо.

Конечно, всего лишь ту скудную информацию, что размещена в сетях, инете, от правдивой картины мира вообще бы рехнулся. Некомфортно даже на секунду представить себе, что состою практически из пустоты, в которой размещены на огромных расстояниях друг от друга атомы, что как бы и создают то, что называется «я».

Потащился, усталый и трепещущий, на кухню, сварил себе чашку кофе, но с первым же глотком у мозгов сорвало башню, хотя как у них может сорвать башню, ну тогда слетели все заглушки, фильтры, запоры, и теперь мозг сам по себе начал подключаться не только к инету, но вообще к электрическим сетям, если правильно понял эти странные ощущения, а в мозгу снова пошел шум от тысяч смешавшихся в кучу телефонных разговоров.

– Стоп, – велел я и с силой сжал голову обеими ладонями. – Стоп!.. Пока не лопнула. Стоп!.. Прекрати!.. Мало ли что дорвалась!.. Потом разрешу. Но понемногу...

Однако изголодавшийся по информации мозг упорно сопротивляется, я так и эдак пытался установить над ним контроль, вроде бы удалось, но как же много, оказывается, всего

в инете! Вот посмотрел на стул, и тут же перед глазами сотни и даже тысячи статей: стулья офисные, барные, рабочие, кофейные, обеденные, кабинетные, компьютерные, от разных фирм, разных моделей и фасонов, разброс цен, различная обивка, деревянные, пластиковые, металлические и даже керамические, простенькие, как табуретки, и роскошные, как королевские троны...

– Возьми себя в руки, – велел я вслух. – Издохнешь, дурак, если вот так позволишь нести себя по течению.

Но все-таки я в самом деле научный сотрудник с великолепным дисциплинированным мозгом, который приучен работать, выполнять команды и добиваться результата, это доказал сам себе, когда к рассвету, истерзав себя усиленной дрессировкой, заставил мозг выдавать себе только ту информацию, которую запрашиваю, а с кем спит Аня Межелайтис в этом сезоне, пусть даже не ищет, не то что не показывает.

То ли потому, что ночь не спал, то ли из-за нервов, но сожрав обычный диетический завтрак, ощутил себя как пес, что поймал на лету и слопал муху, вроде бы мясо, но как-то не впечатлила такая добыча.

В холодильнике обнаружили рыба, икра и три куриные тушки. Пара кур сразу отправились в духовку, какие это куры, просто крупные цыплята, да и не такие уж и крупные, а пока готовились, намазал на большой ломоть хлеба икру слоем потолще и сожрал, а потом сделал еще такой же бутерброд, только побольше и поувесистее, сожрал и поймал себя на том, что шарю на нижних полках, где с ликованием обнаружил расфасованный тонкими ломтиками сыр.

Пока расправлялся с сыром, духовка пропикала и доложила, что цыплята прожарились, все готово, можно доставать.

Я открыл дверцу и чуть не задохнулся от одуряюще смачного аромата, нет, мощного запаха, аромат всего лишь аромат, а запах это запах, я торопливо переброем обе обжигающие пальцы коричневые тушки на тарелки, себе и тому парню, дрожащими руками ухватил нож и вилку, пальцами не сцапать такое горячее, а вот жевать и глотать почему-то можем, хотя в ладони ни за что не удержим...

После завтрака оделся достаточно бодро, даже голова не кружилась, когда наклонялся и завязывал шнурки на кроссовках.

Звякнул сигнал вызова, на стене появилось лицо Синтии, прекрасное и одухотворенное, я сам делал снимки, выбрал лучший, все-таки во мне где-то живет художник.

Я кивнул, экран ожил, Синтия отыскала меня взглядом.

– О, ты выходишь?

– На работу пора, – ответил я.

Она прошептала легким голосом:

– Тогда я как раз тебя перехвачу. Я уже почти рядом, в двух минутах.

Связь оборвалась, я перевел дыхание и поднялся, к своему удивлению, легко, даже не хватаясь за спинку стула.

Когда вышел из лифта вниз, чувствовал себя практически в норме, нужно только стараться ни с кем не сталкиваться, потому что чувствовать одно, а быть – другое.

Консьержка, завидев меня в окошко, сказала участливо:

– Здравствуйте, Володя. Вы хорошо смотрите. Вам эту нейродегенерацию вылечили?

Я покачал головой.

– Нет. Только не надо вот так лицом, я еще не покойник. Вылечить не вылечили, но

остановили. Если болезнь не развивается, то ее как бы и нет. Если рак остановить на первой или второй стадии, то можно прожить всю жизнь и не знать о нем.

В ее глазах все-таки глубокое сочувствие, словно в самом деле знает, что такое нейродегенерация, а не только услышала и запомнила.

– Может быть, – проговорила она с сомнением, – вам нельзя... я имею в виду, нужно постельный режим и все такое?

– Все такое, – сказал я, – это клизмы, судя по выражению вашего лица?

– Ну что вы, – возразила она с достоинством, – я вовсе не их имела в виду.

Я улыбнулся, мимо нас прошла, вежливо поздоровавшись, Валентина Петровна, милая женщина с бесконечно добрым лицом из соседней квартиры. Я поспешил вперед и придержал для нее дверь, Валентина Петровна смущенно улыбнулась, понимает, что это она должна помочь мне открыть дверь, я же слабый, все в доме знают, да и по мне видно.

– Ой, спасибо...

– Рад, – ответил я и ощутил, что в самом деле рад, все-таки справился с тугой дверью, хотя в доме пружина не такая зверская, как на входе в корпус нашего института. – Все в порядке.

Призрачная картинка сразу выдала о ней текст в десятки миллионов слов, но мозг вмещался и моментально выделил самое главное: имя и фамилию, замужем, адрес, телефон, все ники в сетях, аватары, медицинскую справку, банковские карточки, права на управление автомобилем, счет в банке... а все остальное едва заметно мерцает на заднем фоне, готовое сорваться с места и подбежать, едва изволю.

Молодец я, мелькнула мысль. Сенсоры – тупые, гребут все, а мозг, спасая меня от безумия, на сумасшедшей скорости сортирует, выдает только то, что может пригодиться, как знает по опыту прошедшей жизни.

– Кстати, – сказал я, – поздравляю вас, Валентина Петровна. У вас будет мальчик, хорошенький такой и здоровый!

Она мягко улыбнулась.

– Спасибо. Я не знала, что это уже известно.

– Десять минут тому получен анализ, – сообщил я.

Ее глаза округлились в запоздалом изумлении.

– А вы... откуда узнали?

– Та больница под управлением нашего филиала, – сказал я, – иногда нам присылают не совсем те данные, что запрашиваем.

– Спасибо, – повторила она и прошла дальше, довольная и счастливая, и я напомнил себе, что не стоит свои возможности вот так явно засвечивать, хотя бы до тех пор, пока не разберусь с ними сам.

У всех есть какие-то тайны не тайны, но такое, что напоказ выставлять не хочется, а это значит, и я не должен как бы знать о них.

С крыльца я спустился, впервые за последние недели не прикасаясь к перилам вовсе, хотя рука пару раз дернулась, намереваясь хотя бы опереться о поручень.

Дорожка повела в сторону шоссе, к нему прилегает и стоянка автомашин нашего дома.

У обочины остановился яркий нарядный автомобильчик, Синтия выпрыгнула такая же нарядно праздничная, улыбнулась мне еще издали.

Я смотрел на нее, и горькая печаль стиснула сердце. Как-то надо закрываться от всех сведений, даже полезных, что подсовывает мозг, для меня же старается, но еще классик

сказал, «обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Не хочу видеть, сколько абортов сделала и от кого, почему время от времени уезжает «помогать бабушке», почему два дня назад не пришла ко мне, хотя позвонила и предупредила, дескать, уже выезжает...

– Привет, – сказала она задорно. – Ты что смотришь так как-то не так?

– Все так, – ответил я деревянным голосом, – устал просто... Да и вообще, ты же знаешь...

Она спросила с участием:

– Как идет лечение?

– Норм, – ответил я. – Переносу хорошо, побочки пока особо не доставают. А насколько успешная... узнаем скоро. Только ты о моем лечении никому не говори. Людям либо все равно, а другие знают, что его пока нет.

Она вздохнула.

– Тебе нужно больше отдыхать, выглядишь жутко уставшим. Отоспись хорошенько! Тебе это важно. А потом звякни, хорошо?

– Ловлю на слове, – сказал я.

Она улыбнулась на прощание, оба знаем, что ловить ее на слове бесполезно, держит слово только в случаях, когда это нужно ей, этим отличается от Оксаны, ее лучшей подруги, та работает на репутацию, пригодится в будущем, как заверили родители.

Я смотрел, как она села в автомобильчик, он поспешно вырулил на дорогу, а она вытащила смартфон и поднесла к уху. Я не хотел, но мозг мгновенно синтезировал ее перехваченный голос:

– Генка, я освободилась от лекций. Ты ко мне или я к тебе?

И голос Генки, толстого бугая, работающего в сфере сбыта:

– Я уже иду к машине. Через двадцать минут буду. Закажи шампанского и коньячка, я оплачу... Ты отделалась от своего бойфренда?.. Насовсем?

Она ответила тихо:

– Я ему ничего не смогла сказать. Не сумела... Но, судя по его лицу, он все понял.

Я поспешно перевел взгляд в сторону, и разговор прервался на полуслове.

Мой автомобиль, поймав запрос, торопливо вырулил с тесной стоянки, проскочил между двумя рядами припаркованных у дороги и остановился передо мной, чуть ли не виляя задом, как делают боксеры из-за отсутствия хвоста.

Я опустил за руль, вообще-то это нечто, когда смотришь на человека, а мозг моментально собирает о нем всю информацию, какую только может надыбать в Сети, где есть все: от медицинской карточки до секретных закладок на порносайты.

Но радостно тревожит другое: уже смутно чувствую, как количество непонятым образом переходит в некое иное состояние, качество, что ли, если можно дать такое житейское определение. В том смысле, что мозг начинает додумывать недостающее и порой выдает такое, чего точно нет ни в инете, ни в видеофайлах установленных на улице камер. Хотя откуда-то же берет, гад, не зря хватаемся за голову, что о мозге, сколько ни изучай, знаем все еще почти ничего...

Пока автомобиль несся по шоссе, новостной сайт в темпе выбрасывал на лобовое стекло, превратив его в дисплей, сообщения о новых бомбежках позиций Халифата, об ответных террористических ударах смертников, сметающих целые кварталы городов, о мятеже арабов, захвативших Нормандию и требующих признания самостоятельности. Правительство Франции ведет переговоры, обещая автономию в составе Франции и

настаивая на сохранении за Нормандией прежнего названия, в Испании части Халифата подступили к Мадриду и просочились на его окраины, в ответ на это военно-воздушные силы США снесли Мадрид с лица земли, что взбесило испанцев...

Дальше я не слушал, да и новости не блистают новизной, эти локальные войны гремят на Востоке, постепенно распространяясь и по Европе, уже не первый год. Для народа куда интереснее бои тяжеловесов и футбол, а еще вот новость о новом боевике, в котором престарелый Шварценеггер все еще играет героя, с помощью кулаков и помпового ружья восстанавливающего справедливость.

Я скривился, убавил звук и полностью отключил тизер. Герой нового мира вовсе не Шварценеггер, с каменной рожой раздающий удары направо и налево, а высоколобый ученый, что реально меняет мир. В том числе и шварценеггеров.

Но простой народец, а он весь простой, от дворников до президента, этого еще не понимает... Да и понять не успеет. К счастью.

Наконец автомобиль с разгону влетел на стоянку нашего Центра и ювелирно вписался между «Калиной» Лелекина и «Лендрровером» Лазаренко, узнаю по номерам, а так у нас в лаборатории у большинства «Лады» и «Пекинессы», мы же среднеоплачиваемый класс, машины у нас тоже такие, средние.

На другом конце стоянки из «Крайслера» выдвинулся Медведев, с утра еще громаднее и толще, похожий на православного священника из глубинки, где хорошо покушать чуть ли не единственная радость в жизни.

Я подумал, что помимо все прочих разделительных линий мир расслоился еще и на безобразно толстых и спортивно подтянутых. Толстые – это люди из сидящих на пособии, у них достаточно средств, чтобы жрать от пуза, одеваться в модные одежды, ездить трижды в год отдыхать на южные острова и каждый год покупать новую машину.

Спортивные – это бизнесмены, ученые, миллиардеры, этим некогда отдыхать, даже вместо юга предпочитают пять минут прожариться в солярии и говорить коллегам, что вот отдохнул месяц на море в собственном дворце. Эти спортивные ограничивают себя в еде, каторжанят на тренажерах, принимают мощные ноотропы и работают, работают, работают без выходных и отпусков.

Медведев из числа толстых: но не совсем уж необъятно толстых, а так, полутолстых, хотя и толстых. У него хорошая работа, однако, отбив на ней свои шесть часов, устремляется к выходу, уже забывши, где был и что делал. Мысленно он уже в пивбаре, откуда и домой захватит ящик баночного, дома во дворе уже разложен мангал, шашлычки из баранины, отбивная, хамон, а на десерт груды восточных сладостей, никаких тренажеров и ограничений в еде, пусть миллиардеры себя мучают, а мы, простые и честные, нам жизнь не дорога, жрали от пуза и жрать будем...

Блин, и такой тоже работает в лаборатории, где все стремятся как можно быстрее создать антиэйджинговый препарат нового поколения!

Мы встретились у входа в здание, он остановился, вежливо пропуская меня вперед, я тоже остановился, пропуская его, в свою очередь.

Он хохотнул:

– Ты чего?.. Ты же больной!

– А ты... внушительнее, – ответил я. – Солиднее.

– Но ты доктор, – напомнил он, – а я всего лишь бакалавр. Хоть и толстый.

– А-а-а, – сказал я, – вообще-то да, худой доктор старше толстого бакалавра, а вот насчет

кандидата не уверен...

И важно прошел в здание, пока Медведев придерживал для меня дверь, чуть-чуть двигая ею взад-вперед, делая вид, что вот-вот с силой прихлопнет.

Здание нашего великолепного научно-исследовательского центра входит в корпорацию Игоря Мацанюка, хотя самого Мацанюка никто у нас не видел, что и понятно: таких центров у него десятки, если не сотни.

Сама корпорация Мацанюка не занимается ни бизнесом, ни наукой, ее область – стратегия развития, разработка правил, а также поиск инноваций, в которых, как говорят, Мацанюк особенно силен, у него нюх на перспективные новинки, благодаря которым и построил с нуля свою многомиллиардную империю.

Еще корпорация, как мы слышали, планирует долгосрочные освоения каких-то новых рынков, глобальных, вырабатывает и совершенствует философию корпоративного духа, общей цементирующей деятельности, что для нас совершенно непонятно, вроде марсианского языка.

У корпорации по всему миру есть подразделения, но даже для них мы – низшее звено, что занимается всего лишь работой и бизнесом непосредственно, как и всякие там совсем примитивные заводы и фабрики. Для корпорации они то же самое, что и наш НИИ, работаем сами по себе и по своим планам, однако же и мы, как муравьи, тащим свои песчинки в огромное здание продолжающей расти и укрепляться корпорации.

Медведев поглядывал на меня испытующе, пока лифт возносил нас наверх, обронил вроде небрежно:

– Шеф говорит, наметился путь к разработке некой уникальной вакцины... ну, не вакцины, а метода, что вылечит и самых неизлечимых?

– Такого не бывает, – ответил я.

Он ухмыльнулся.

– Это я журналюгствую. Они всегда так преподносят.

– Пока очень дорого, – сообщил я, – и сложно. Но да, удалось, теперь нужно упрощать и удешевлять.

– То-то все всколыхнулись, – сказал он со странной интонацией. – Бросить мне свои митохондрии, перебежать к вам, что ли?

– Не опоздал? – поинтересовался я. – Долго оценивал... К нам четверо прибились, что обрадовало нашего шефа и вроде бы огорчило Виншекина и Уварова.

– Придется подвинуться, – сказал он с пониманием, – а то и поделиться славой?

– Вот-вот, – согласился я. – Теперь все вместе кричат: «Понаехали тут!»

Лифт начал замедлять скорость, что значит, осталось два пролета, Медведев сказал зловеще:

– Ничего, скоро железячники всех нас поставят... Гады. Сегодня мы еще обходим их на полкорпуса, но у них дорога длиннее, а у нас уже тупик бежит навстречу.

Двери распахнулись, он вышел первым, уже как всегда брызжащий энергией и уверенностью, я ощутил, как мои плечи опускаются сами по себе, как под незримой тяжестью.

Все верно, на финишную прямую вышли, как био, так и нанотехнологии, или железячники и мокрехвосты, как мы обзываем друг друга. Там и здесь уже определились с дорожной картой, как именно пройдем к бессмертию, но кто из нас первым даст человеку излечение от всех болезней и даже бессмертие... пока не скажет ни один футуролог.

Едва я вышел из лифта на двадцать четвертом, где среди десятка лабораторий и моя, на площадку навстречу выскочил Лазаренко, весь взъерошенный и таинственный, сказал страшным шепотом:

– Стой, стреляю!.. Нет, не сигарету стреляю, а стреляю на упреждение. Или предупреждение? В общем, иди тихо, не ори, руками не размахивай, а то застрелят. У шефа в кабинете полиция!

Я охнул.

– Что стряслось?

– Никто не знает, – сообщил он.

– Совсем ничего?

Он покачал головой.

– Нагрянули, все закрыли, я не могу даже свой личный ноут взять!.. Так и лежит на столе, а там меня уже могли завалить, когда я на автомате повез паки через море на углой шхуне... там же пираты и морские драконы!.. Ты вообще-то как?.. Может, тебе все-таки лучше постельный режим?.. Через недельку, даже раньше, можем повторить попытку!

– Знаешь, – сказал я, – давай пока не спешить. Я еще не чувствую, что вот-вот склею ласты.

Мне показалось, что он хотел вздохнуть с облегчением, но удержался, все-таки я и друг, и хороший работник, хотя, конечно, сделай такую операцию олигарху, содрали бы с него несколько миллионов долларов.

– Ну ты смотри, – сказал он, – если что, сразу свистни.

– Сразу, – пообещал я. – Сам знаешь, жить охота... Особенно, когда до бессмертия прям рукой дотянуться.

– Дотянемся, – пообещал он, но прозвучало так, что они дотянутся, но меня среди них уже не будет. – Сейчас идет такой мощнейший рывок!

– Не успеваем понять, – согласился я, – что в соседних отделах создают.

– Надо продержаться, – сказал он. – Ты сильный, выдержишься. У тебя мотивация!

– Мотивация, – согласился я, – это да. Если бы она что-то решала...

Хрен я сильный, сказал я себе. Это другим еще могу показаться таким, да и то своих не обманешь, это разве что на улице, где видели только мой рост и когда-то умело подкачанную мускулатуру, теперь начисто сдугую.

Он проводил меня на мое рабочее место, услужливо придвинул поближе к микроскопу чашечки с культурами, потоптался за спиной, но ничего сказать не успел, дверь распахнулась так, словно с той стороны пнули.

Через порог ступили трое в гражданской, как говорят, одежде, но я сразу ощутил представителей власти, причем не чиновников, а тех, кого называют правоохранительными структурами, а чаще просто силовыми, вежливо намекая, что где сила, там ума искать не стоит.

Двое мужчин и женщина, это синоним заокеанских белого, бронзового и черного, но у нас негров все еще нет, а женщина, издавна считавшаяся домашним негром, уже по правам и свободам белее белого, это мы, самцы в когда-то созданном нами мире, негры.

Мужчина крепок и высок, женщина почти не уступает в росте и вообще производит впечатление самки, что занимается не фитнесом, а бодибилдингом, слишком широкие плечи, вздутые бицепсы, черные блестящие волосы собраны в небрежный пучок на затылке, но все не поместились, и на спину падает роскошный конский хвост.

На мой взгляд, лицо у нее такое, словно пыталась пролезть между железными прутьями решетки в зоопарке: назад отодвинуты не только уши, но и все оттянуто в сторону затылка, лицо заострено, как топор, нос с горбинкой, даже глаза навывкате, словно все еще старается протиснуться между прутьями, такие круглые глаза называют ястребиными или орлиными.

Кожа натянута так туго, что ее и нет как бы вовсе, а упрямо выдвинутый вперед подбородок и четко очерченные высокие скулы, как принято считать, говорят о силе характера.

Она скользнула по мне пренебрежительным взглядом – я же с головы до ног ботаник, – а я, в свою очередь, дал ей понять всем видом, что она хотя женщиной уже быть перестала, но до человека ей еще далеко.

Обернувшись к Геращенко, нашему заву лабораторий, что покорно идет следом, словно коза на базар, она сказала таким властным голосом, что всех нас окатило волной арктического холода:

– Всем сотрудникам до обеда запрещено покидать здание! Еще лучше, если все останутся на своих рабочих местах.

Лазаренко шепнул испуганно-восторженно:

– Ого!.. У нас что, где-то обнаружили трупы?

Женщина не повела на него даже глазом, а я сказал достаточно громко:

– Нет, они по хищениям.

Она тут же развернулась в нашу сторону, острый взгляд вонзился в меня, как сверло ультразвуковой дрели. Глаза у нее, как я разглядел наконец, холодно-синие, в когнитивном для меня диссонансе с пышными восточными волосами и смугловатой кожей.

– Хищениям? – повторила она, и я ощутил холод приближения айсберга, потопившего «Титаник». – Почему вы так решили?

– У вас лицо хищное, – ответил я вежливо. – Это профессиональное, да?

Она продолжала всматриваться в меня, словно психиатр в нового пациента.

– У вас в самом деле хищение, – произнесла она медленно. – И никто еще не знает... даже ваш директор узнал только сейчас. Может быть, признаетесь сразу?.. Обещаю, бить не будем даже по дороге в полицию.

– Правда? – спросил я с огорчением. – А я уж размечтался. Показывал бы журналистам потом кровоподтеки после общения с представителями кровавого режима.

Она сказала резко:

– Сюда едет бригада криминалистов, а с вами я хотела бы поговорить отдельно.

– А правда бить не будете? – спросил я. – Странно, а у вас такая репутация... Да и лицо у вас очень уж... милое. Но я все-таки посоветовал бы принять фосфоглибекст, это успокоит вашу печень.

В ее глазах что-то неуловимо изменилось, а высокий полицейский оглянулся и посмотрел на меня с оценивающим интересом.

– Печень? – переспросила она. – Что с моей печенью?

– У вас она и сейчас болит, – уличил я. – Спазмами. С утра. Да, успокоится к вечеру сама по себе, но только если не переборщите с жареным чесноком, до которого вы охотница... как только запах перебиваете?.. Но лучше одну таблетку сейчас. Лазарь, поделись, у тебя в блистере еще двенадцать штук.

Лазаренко ошалело вытащил из нагрудного кармана наполовину опустошенную пластинку с белыми капсулками фосфоглибекста, неуверенно протянул мне.

Я кивком указал на силовую женщину. Она медленно взяла, не отводя от меня взгляда, потом опустила его на блистер. Выражение на лице такое, что старательно пересчитывает, мысленно тыкая пальцем, чтобы не сбиться, это же милиция, снова посмотрела на меня.

– Вы всегда замечаете, сколько он употребил это вот... средство и сколько осталось?

Я сдвинул плечами.

– Элементарно, детектив... Такое запоминается само. Это так же верно, что вы позавтракали хамоном с аджичным соусом. Не понимаю, что вы в этом гребаном вяленом мясе находите? Детектив, не надо изумляться, мы же биологи! Распознавание симптомов нездоровья входит в нашу базовую профессию. Все видно по глазам и лицам пациентов... что не пациенты, конечно, а так... чашечки ай-петри.

Она нахмурилась.

– Я не ваш пациент. Остап Шухефович, вы позволите?

Герашенко торопливо кивнул.

– Да-да, берите. Все что потребуется, чтобы выяснить все и вернуть деньги!.. У нас без них работа рухнет!

Она посмотрела в мое лицо, обдав холодом синих глаз.

– Вы пойдете со мной.

– Хорошо, старший детектив Ингрид Вервольфова, – ответил я. Она дернулась, взглянула остро.

– Что, и мое имя на мне написано? Кстати, Ингрид Волкова без всякого «вер». У вас какие-то странные слуховые галлюцинации. У психиатра проверялись?

Я ответил скромно:

– Мы сами психиатры. Простите, хотя вы, как и принято почему-то в России, не назвали и не представились, что во всех остальных недоразвитых и отсталых странах Запада считается хамством, но у нас собственная гордость, на буржуев смотрим свысока... в общем, мне показалось, что я его где-то услышал... как обычно у нас в России. Ингрид и даже Вервольф, уж и не знаю, почему так послышалось... и даже сейчас слышится. А когда смотрю на вас, так и вовсе как бы вот наяву и зримо...

Лазаренко сказал быстро:

– Дверь кабинета была плохо прикрыта. А мы свои уши чистим! Ватными шариками, чтобы вы чего-то не подумали. Купленными на свои, не на государственные. Хоть и по гранту.

Она спросила:

– А что, могу подумать?

– Не знаю, – ответил он испуганно. – Вы же полиция, у вас мозги не такие, как у людей. Вы и думаете как-то по-особенному.

– Что, наверное, хорошо, – сказал Герашенко и посмотрел на нас с Лазаренко строго. – У милиции собственное мышление, полицейское!

Детективщица перевела взгляд на меня, несколько мгновений всматривалась, лицо такое, словно старается и не может вспомнить, когда именно прозвучало ее имя и вообще в какой тюрьме меня видела.

Я скромно помалкивал, наконец она поморщилась и сказала резко:

– Посмотрим, что в ваших мозгах. Остап Шухефович, вы позволите вашего сотрудника отвлечь от великой науки на несколько минут? Здесь найдется свободная комнатка?

Герашенко в испуге замахал обеими руками.

– Да забирайте, забирайте!.. Все равно работать не даете... Вон там пустая...

Ситуация, несмотря на абсурдность, меня странно веселила. Впервые я, человек не слишком общительный и даже закомплексованный, чувствую себя вольно и свободно. Хочется держаться нагло, все-таки не часто удастся оказываться с людьми, над которыми чувствуешь абсолютное интеллектуальное преимущество.

Она почти втолкнула меня в указанную Геращенко комнату, где у нас свалено старое оборудование, выбрасывать жалко, а вдруг пригодится, указала властным жестом на свободный стул у запыленного лабораторного стола допотопной конструкции.

Я сел, продолжая рассматривать ее с интересом. Рослая, с широкими прямыми плечами, что придает ей еще более уверенный и бойцовский вид, изумительная фигура, слишком даже, с такой разве что под куполом цирка прыгать и ловить друг друга в последнюю секунду, да еще фитнес-конкурсы выигрывать.

Лицо тоже такое, что смотришь и стараешься вспомнить, в каком же боевике ее видел, очень уж киногеничное, характерное, но, на мой взгляд, вся слишком: крупная, рослая и накачанная, хотя и с четко очерченной грудью, что плюс, но чересчур рельефной и мускулистой, что минус. Явно много проводит времени в спортзале, где балдеет, побеждая мужчин.

Она села напротив и вперила в меня острый взгляд. Я поинтересовался мирно:

– Чем мне удалось привлечь внимание полиции? Шириной своей впуклой грудной клетки?

Она поморщилась.

– Из вашего центра исчезла кругленькая сумма. Сейчас ваших сотрудников опрашивают.

Я фыркнул.

– Да никто из них не в состоянии украсть даже бутерброд со стола соседа!

– А вы можете?

– Что?

– Украсть, – ответила она. – Бутерброд. Вижу, можете. А что еще можете?

– Митохондрию из аксона, – ответил я, – а еще дендрит из дендры с помощью лазерного дентоскопера.

Она обронила холодно:

– Меня интересует, кто и как украл двенадцать миллионов долларов со счета вашего института.

Я охнул.

– Двенадцать... миллионов?

– Хорошая сумма, – сказала она неумолимо и продолжила тем же обвиняющим голосом: – Возможно, для Мацанюка это копейки, однако кража есть кража. И, думаю, теперь он дважды подумает над переводом на ваш счет следующего платежа, если с него исчезают деньги так легко!.. Я еще не ответила или вы просто не поняли? Вы со мной потому, что больше других похожи на человека, который... может быть замешан. Это я сказала очень мягко, заметили?

– Ну спасибо, – сказал я саркастически. – Пальцы ломать будете?.. Или бить по ребрам?

– Вообще-то могу, – сообщила она холодно. – Но вы интеллигент, вас физической болью не сломить. Это простые мужики раскалываются сразу. С яйцеголовыми нужно иначе.

– А сможете? – спросил я с любопытством. – Все-таки больше привычны к дубинке... Кстати, фамилия вам очень даже идет. Прямо волчица!.. Вервольфша.

Она сказала с отвращением.

– Зато у вас фамилия гадостная.

Я изумился.

– Моя?.. Почему?

– Лавронов, – повторила она с отвращением. – Хотя бы Лавров...

Я фыркнул.

– Лавров – от лаврового листа?.. Который на похоронных венках?

– И на венках победителей, – отрезала она. – А лавронами у нас звали самцов жаб. Нет, лягух!.. Их звали шкреками, потому что они кричат «шкре-ке-ке, шкре-ке-ке», а их самцов – лавронами!

– Правда? – переспросил я. – Буду гордиться. В общем, если придется обходиться без дубинки, то даже не представляю, как вы с нами сможете общаться...

– Почему не представляете?

Я сказал с победной ноткой:

– У меня докторская по... в общем, по биологии, а то все равно не поймете. Это, конечно, не разряд по желто-блакитному поясу с вышиванкой.

– Я защитила кандидатскую по спортивной медицине, – прервала она.

Я посмотрел на нее, стараясь не показывать, что смотрю ее данные в инете, в изумлении покрутил головой.

– Вот уж не думал... Мне казалось, ваш профиль – специализация по девиациям вуайеристов?

Она посмотрела в удивлении.

– Откуда такое видно?

– Угадал? – спросил я. – Мне показалось, это ваш профиль. Да и накладывает отпечаток на человека.

Она проговорила замедленно:

– Вы очень... проницательный человек. Очень.

– Я ученый, – сказал я скромно. – Положено. У нас тоже преступники есть, но ме-е-е-лкие. Вирусами зовутся.

– А деньги утащили не вирусы?

– Вирусы?.. Ах да, вот вы о чем... У нас настоящие вирусы. Живые. А то, о чем говорите вы, специалист по вуайеризму, всего лишь компьютерные программы. Обычно мелкие, чтобы можно было...

Она прервала:

– Я знаю, что такое вирусы. И как вы внедрили такой вирус, что он утащил двенадцать миллионов? Или другой вопрос: куда так утащил, что не осталось следов? Не успели же проиграть в карты?

– Следы всегда остаются, – возразил я. – Нужно только быть хорошим следопытом. Или вуайеристом.

Она поморщилась.

– А вы хороший?

– Как вуайерист? – спросил я. – Вряд ли. Но по вирусам вполне. Разумеется, по живым.

Она спросила резко:

– Уверены, что у них нет ничего общего?

Я подумал, кивнул.

– Знаете ли... хоть у вас и бицепсы, но вы с виду не совсем окончательная дура. Правда, диссертацию вам купили, не зря же отец олигарх, но сейчас брякнули интересную мысль... Надо просмотреть хорошенько Сеть на предмет заметенных следов. В Интернете следы прячут примерно так же, как и в реале.

Она посмотрела остро, когда я упомянул об ее отце, но не спросила, откуда такие

данные, поинтересовалась:

– Вы в своем коллективе работаете давно? Можете дать коллегам и вообще окружению характеристики?

– Могу.

– Дайте.

– Хороший коллектив, – ответил я.

Она поморщилась.

– А подробнее? Каждому в отдельности. Кстати, почему это мой отец олигарх?

Я улыбнулся.

– Разве не он ухитрился захватить пару жирнющих кусков, когда страну растаскивали стервятники?.. Вся судходная промышленность в его руках! А золотые прииски?.. А четыре строительные компании?.. А дворец в Лондоне, что купил полгода назад, у королевы из-за него истерика...

Она откинулась на спинку стула, но не прекратила сверлить меня злым взглядом.

– Похоже, вы что-то знаете о моей семье, но тут промахнулись. Это не отец, а мой дядя миллиардер. Он и живет то в Лондоне, то в Баден-Бадене, я его видела только в детстве. А как заметно, что я из того дерева?

– У вас фамильное лицо, – ответил я. Она нахмурилась, я уточнил: – С поправкой на некоторую женственность. Относительную. Пластическая хирургия может подправить мясо и кожу, что вы и сделали, но мы, ученые, приучены зреть в корень, как учил великий наставник простого народа интеллигентов первого уровня Козьма. Хотя не понял, если дядя родной, то... у них что, одинаковые имена?

Она ответила неохотно:

– У дедушки странное чувство юмора. Старшего назвал Данилом, а младшего Даниилом. Потому их часто путали в документах, что дедушку забавляло... Я похожа и на отца, и на дядю. Мы все похожи, даже дедушка и прадедушка!

– Значит, – сказал я скромно, – я угадал.

– Угадали, – согласилась она все еще удивленно, – жаль, что это неприменимо в нашем деле. Хотя, конечно, в поиске преступника такая наблюдательность пригодилась бы... Найти по догадке, а потом собрать доказательства... Думаю, вы заинтересованы, чтобы у вас там сорвали с дверей лабораторий печати и снова началась работа?

Я покачал головой.

– Все так серьезно? Все опечатано? В самом деле не позволяют людям работать и как бы приносить стране и отечеству отдаленную пользу? Пусть и непонятную простому народу?

– Это место преступления, – напомнила она.

– Вы серьезно? – переспросил я. – Я думал, это когда труп в луже крови... тогда только все оцеплено! И с этими, как их, видел в кино... желтыми лентами.

– У вас устарелые представления, – сообщила она с надменностью в голосе и взгляде. – Сейчас труп в крови большая редкость.

Я пробормотал:

– Мне казалось, при нынешней прозрачности банковских операций подобные хищения невозможны.

– Хищения возможны, – возразила она, – но они нерациональны, так как сразу же раскрываются. Сейчас почти все банки мира в такой плотной связке, что ни один банковский перевод не утаить, если он пройдет хотя бы два-три банка.

– То есть ловят сразу?

– Да.

– И что с нашим хищением случилось?

– Он нигде не засветился, – пояснила она. – Обычно ворованные деньги стараются провести через длинную цепочку банков. Иногда через сотни, чтобы затерялся след... Правда, сейчас уже не теряется, служба мониторинга все равно находит и деньги, и похитителей. Но этот случай уникальный! Деньги нигде не всплыли.

Я подумал, бросил взгляд на ее спортивную фигуру. Широкие плечи, резко обрисованная грудь под тонкой тканью, словно выточенные из дерева перевернутые чаши, но с острыми кончиками.

– Кофе пьете? Или вам можно только чай?

Она поморщилась.

– Чай? А что это?

Я поднялся.

– Сейчас принесу, тут рядом, сразу за дверью. Я в это время дня всегда пью, а иначе такой когнитивный диссонанс, что даже и не знаю... Вот смотрю на вас, а он все когнитивнее и когнитивнее... Тьфу, диссонанснее и диссонанснее! Видите, уже заговариваюсь, а всего лишь с вами пообщался!.. Вам с сахаром или заменителем?

Желваки вздулись под ее тонкой кожей, как рифленые кастеты, в глазах блеснула злость, но ответила почти сдержанно:

– Только быстро!

Кофейный автомат в коридоре расположили не зря: желающих на халяву надуться крепкого кофе много, я еще только захватил по дороге два стаканчика, а там уже Геращенко набирает код двойного эспрессо, да чтоб еще и чашку побольше.

Сбоку подошел Косенков и сказал почтительнейшим тоном:

– Остап Шухевиц, я уже там договорился, осталось только получить ваше разрешение о переводе в ту фирму.

Геращенко зыркнул на него волком и сразу отвернулся, не желая поганить ясный взор видом предателя.

– Никакого перевода, – отрезал он с неприязнью. – Если есть желание предать нашу команду и уйти, то увольняйтесь, а там поступайте, если примут. О рекомендации и не спрашивайте.

Косенков возопил обиженно:

– Но я же уйду на повышение в нашей же корпорации!.. Там разрабатывают те самые технологии, что пригодятся и нам!

Геращенко сказал рассерженно:

– Какие технологии?.. Я навел справки, тебе предложили возглавить отдел компьютерной графики в байме!.. Какой позор, в онлайн-байме!..

Я смолчал, прекрасно понимаю зава, он оскорблен, что кто-то покидает лабораторию, предатель, наймит госдепа, но если взглянуть с другой стороны, Косенков будет заниматься более серьезной работой, чем просто админить у нас да изредка моделировать процессы во внутренностях вирусов.

Мацанюк вложил большие деньги в рискованный, но многообещающий стартап. Некий Островский с единомышленниками начал готовить амбициозную вещь, байму, что уже не байма, а настоящий симулятор жизни игрока, в самом деле нечто принципиально новое. Там

вроде бы создаешь своего героя, что привычно для всех онлайн-овых, но наделяешь только реальными чертами, а потом запускаешь в ту реальную, хоть и виртуальную жизнь, и следишь за своими злоключениями и успехами.

Правда, мощь компьютеров пока что не позволяет расширить мир до пределов города, даже визуализацию своего района потянут только самые топовые компы, средним придется ограничиться микрорайоном, иначе жуткие тормоза, но все равно гораздо увлекательнее наблюдать «за собой», чем за бравым рыцарем, эльфом или троллем.

Я набрал кофе по-венски, прижался к стене, давая дорогу Медведеву, тот несет в промасленной бумаге целую горку бигмаков, приглашающе показал их Геращенко, тот в ужасе замахал руками.

– Нет-нет, убери эти ужасные вещи!

Медведев изумился.

– Остап Шухефович, вы чего? Это же ваши любимые. Я всю корзинку купил! Двенадцать штук, как раз вам перебиться и кое-как продержаться до обеда...

– Нет, – заявил Геращенко. – Я перехожу на вегетарианство. Даже на веганство. Что смотрите? Я серьезно!.. Кстати, вам тоже бы не мешало.

– Мне? – изумился Медведев. – А мне зачем?

– У вас ярко выраженная зеркальная болезнь, – определил Геращенко. – Свой пенис видите только в зеркале?.. Одышка, по ночам храпите...

– Я? – снова изумился Медведев. – По ночам? А вы откуда знаете?

– Ваша жена сказала, – ответил Геращенко, спохватился, пояснил с достоинством: – Я же должен быть в курсе и домашне-семейных дел своих сотрудников? Это все для повышения производительности!

Медведев посмотрел на него волком, а Лазаренко заговорил подхалимски:

– Остап Шухефович, мы от вас просто балдеем!.. Вы, как орел, всегда готовы на крутые повороты! И сейчас вот сразу из мясоедов... Никаких постепенных диет. Как отрезали. Как нам повезло, что вы у нас правите, ну прямо отец родной...

Ингрид, что то ли Вервольфова, то ли просто Волкова, что-то просматривает на планшете, но при моем появлении захлопнула.

Я поставил на стол два стаканчика горячего крепкого кофе и тарелку с горкой рассыпчатого печенья.

– Прошу, – сказал я и придвинул к ней чашку. – Хоть вы и не женщина, а лицо официальное, но здесь почти гость, пусть и непрошенный, так что имею некоторое удаленное право за вами поухаживать... в силу незнания законов, разумеется. Не за женщиной, упаси боже, какая вы женщина, в обществе все равны, и даже не за старшим следователем, это была бы вообще попытка подкупа, а вот как бы даже не знаю... Может быть, вы в некотором роде действительно гость?

Она взяла стаканчик, почти обхватив его весь ладонью, это не Катенька, что всегда держит в обеих лапках, как бурундук орешек, остро взглянула на меня поверх края, но ничего не сказала.

Я ощутил себя чуточку неловко, ну чего задираюсь, надо быть милосерднее, она хоть и не женщина, но гость, сам же дал определение, а для нас, ученых, дать верное определение – это наполовину решить проблему.

– Хороший кофе, – определила она. – Крепкий и сладкий.

– Спасибо...

– У автомата заводские настройки?

– Конечно, – подтвердил я. – Разве мы сами что-то можем? Обязательно испортим, сломаем... Теоретики. А почему не просмотреть все записи с камер? Это только в кино хакеры из одной страны воруют деньги из банков другой страны. В нашем случае кто-то должен был открыть доступ... это такие двери, прямо здесь. Потому советовал бы просмотреть в интервале от восемнадцатого по тридцатое.

Глаза ее блеснули, даже чуточку подалась вперед, впиваясь в меня острым взглядом.

– Почему?

– Грант, – объяснил я. – Обычное жалованье поступает хоть и вовремя, но мелкими порциями и точно к моменту, когда у кассы выстроится очередь... хотя теперь все идет на карты. Вы сами понимаете, насколько банки стараются удерживать деньги до последней минуты. Это не то, что у вас, где бюджетные гребете лопатой, а то и бульдозером. У вас же спецтехника! И опыт.

Она сказала суховато:

– Не отвлекайтесь.

– Так вот, – продолжил я, – наша лаборатория получила грант лично от Мацанюка. Он был впечатлен нашим новым подходом к CRISPR и сказал, что у него будущее.

– Грант, – переспросила она, – в размере двенадцати миллионов?..

– Да, – подтвердил я. – У Мацанюка нюх на инновации. Говорят, этот хитрый жук спинным мозгом чувствует, какая разработка скоро сдохнет, неважно что ей предсказывают всякие там специалисты и разные эксперты, а какая неожиданно выстрелит.

– Значит, – сказала она, – кто-то знал, что поступит такой грант?

– Это не обязательно, – ответил я, – грант не зарплата, его так быстро не расхватают, обычно тратят на закупку дорогого оборудования, но что-то в вашем чисто полицейском предположении есть.

– Что?

– Если кто-то, – пояснил я любезно, – знал о будущем переводе такой суммы на счет нашей лаборатории, это дало ему и больше времени, что критически важно, и возможность подготовить, в какое дупло сунуть пакет с деньгами и какими листьями засыпать следы... Кстати, кофе на вас действует лучше, чем на меня!.. Давление поднялось на двенадцать делений, сейчас ровно сто двадцать на восемьдесят, идеал!.. А пульс, напротив, упал с семидесяти до шестидесяти пяти. Замечательно... Чувствуется занятие силовыми видами. Я имею в виду силовой спорт, не подумайте чего-то непристойного.

Она взглянула на смартвоч, я допивал кофе и смотрел, как тыкает пальцем в экран,

потом перевела взгляд на меня.

– Угадали. Сто двадцать на восемьдесят. Подсматриваете? Слишком уж точно.

– Высокая квалификация, – ответил я скромно. – Я же не бозоны предсказываю или результаты скачек. Биология – это биология! Чем лучше знаешь свое дело, тем точнее диагнозы. Понимаю, в полиции все наоборот.

Она поднялась, я тоже встал, что-то во мне говорят рудиментарные правила этикета, наши взгляды встретились. Я выше среднего роста, даже по нынешним пересмотренным стандартам высокий, но она смотрит мне глаза в глаза прямо, словно между нами лежит линейка каменщика с пузырьком воздуха посередине.

– У вас лаборатория пока без права доступа, – напомнила она. – Никто вашей ерундой, на которую получаете огромные деньги, заниматься пока не может.

Я хмыкнул.

– Еще скажите, что грабитель правильно сделал, что увел эти деньги. Понимаю, с точки зрения здравого полицейского, лучше купить яхту, чем потратить на достижение какого-то совершенно ненужного электорату бессмертия.

– Мы на страже закона, – отрезала она. – Охраняем всех. Даже таких, как вы.

– Ой, спасибо!

– Не за что, – отрезала она. – Это обязанность, хотя бывает неприятной. Здесь мои коллеги проведут обследование без меня, а я предлагаю нам зайти вон в кафе напротив.

Я опасливо охнул.

– А там что?.. В подвале комната пыток?

– За чашкой кофе, – ответила она, – и уже с настоящим бутербродом, а не этой шелухой, признаетесь, как украли деньги.

Я сказал понимающе:

– Приглашаете в кафе, а там после пары бокалов вина в вашу постель?

Она ответила холодно:

– Оттуда в полицейский участок.

– Ого, – сказал я, – давно там не был...

– А когда были? – спросила она с интересом. – Сейчас проверю... Как ваше имя?

– То было пятнадцать лет назад, – сообщил я коротко. – Подростки. Драка на улице.

Она посмотрела с сомнением.

– Вы когда-то даже дрались? Вот уж не подумала бы.

– Рождаются все одинаковыми, – сообщил я с некоторой обидой. – Потом одни развиваются, а другие идут в полицию. Наручники наденете?

– Хочется покрасоваться?

– Угадали, – признался я. – Это ж таким героем стану!.. Все женщины нашего центра будут моими. Такой таинственный, загадочный, опасный...

Она поморщилась.

– Пойдемте, загадочный. Если подует ветер, хватайтесь за меня. А то вы больно... мускулистый.

В коридоре навстречу быстро шагнул полицейский в мешковатой форме, ниже меня на голову и такой щедушный, что хоть сейчас бери его лаборантом пробирки мыть, а потом двигать науку.

Он остро посмотрел на меня, потом на детективщицу.

– Это с тобой?.. Все должны перебивать! Пока не снимут показания.

Голос у него тоже тонкий и писклявый, соответствующий фигуре и внешнему облику, а сам даже приподнимается на цыпочки, чтобы казаться выше.

Она бросила в его сторону небрежнейший взгляд.

– Это со мной, Карл.

– Это с нею, – подтвердил я. – Это самое, которое. С нею, Карл!

Он так и не понял, полиция не доросла до мэмов, с ожиданием смотрит на нее снизу вверх.

Она пояснила с некоторым раздражением:

– Главный подозреваемый. Будет пытаться сбивать нас на ложный след, тут мы его и схватим!

– А-а, – проговорил он с сомнением, – ну давай, лови... Только слишком не умничай, это не твое.

Я сказал с сочувствием:

– Она старается. Все обаяние в ход пустила. Вы же видите, какое у нее обаяние!

Он поспешно отступил, давая ей дорогу, ответил с дрожью в голосе:

– Да-да, мощное такое... обаяние.

Мы вышли к лифту, она бросила в мою сторону злой взгляд.

– Еще такая шуточка, и я вас удушю. Прямо в лифте.

– А отмазка?

– Попытка нападения на сотрудника полиции, – сообщила она. – С целью завладения табельным оружием.

– И последующим изнасилованием, – досказал я. – Да, это самое правдоподобное. Нравится мне наша самая гуманная в мире полиция. Я даже, можно сказать, в полном ауге. Что значит в восторге в переводе на язык полицейского протокола.

В лифте она загородила собой половину пространства, я прижался к стене, хотя не уступаю ей в росте, однако умеют же поставить себя женщины, а уж дорвавшиеся до власти, хотя бы такой, это вообще сатрапы.

Двумя этажами ниже дверь распахнулась, в нашу сторону качнулись двое сотрудников из соседнего отдела. Оба взглянули на нее, охнули.

Один пугливо отступил, а второй пролепетал:

– Езжайте, езжайте!.. Мыждемся следующего!

Двери закрылись, лифт понесся дальше, я пробормотал озадаченно:

– И чем это я их так напуганил?

Когда наконец нас выпустило в холле, я по всем правилам этикета вышел первым и протянул ей руку, помогая выйти, ибо лифт тоже транспортное средство, я даже обязан помочь сойти.

Она явно сочла это оскорблением, зло стегнула по мне взглядом, но сказать ничего не успела, в нашу сторону идут двое, начальник нашего отдела и поджарый полицейский, при взгляде на которого у меня внутренности похолодели, а он бросил в мою сторону острый взгляд, словно вонзил длинный острый гвоздь.

– Ингрид? – спросил он, в голосе его отчетливо слышалось клацанье затвора армейского пистолета.

– Свидетель, – ответила она. – Поговорим на свежем воздухе, а то там тесно.

Он кивнул, но в его взгляде я прочел, что свидетелей не бывает, только подозреваемые, а с подозреваемыми нужно говорить не на свежем воздухе, а в подвале за плотно закрытой

дверью и без посторонних, держа в руке молоток.

Они вошли в лифт, а я по дороге через холл оглянулся и спросил негромко:

– Этот с квадратной рожей... у вас работает?

Она буркнула:

– Отдел по предотвращению преследований.

– Гм, – сказал я. – Ничего не понял, но хорошо, что не в вашем. Хотя, правда, я не знаю, из какого вы сами отдела.

Она поинтересовалась равнодушным голосом:

– А что с ним?

У выхода я снова придержал для нее дверь, а когда вышел следом, сказал тихонько:

– Как вам, милая тургеневская девушка, сказать... у него что-то с психикой. Я бы сказал, у вас работает маньяк с жаждой убийства... Вы бы проверили его по базе, а также нет ли нераскрытых случаев немотивированных смертей.

Она сказала сухо:

– Не отставайте.

Я прошептал:

– А что, догонит и накинется?

Она молча пошла к переходу через улицу, тоже мне полиция, где же привилегии, надо переходить там, где изволится, перекрывая поток автомобилей, а когда я догнал, сказала кратко:

– Это не ваше дело.

– Как хотите, – ответил я. – Как законопослушный электорат, я сигнализирую на благо партии и правительства, а также общества, хотя кому оно нужно?..

Она бросила зло:

– О чем?

– В самом деле не хотите проверить? – спросил я. – В хищениях я его не заподозрю, но если где-то найдут изуродованный труп, то сразу нужно смотреть, есть ли у него алиби.

Она морщилась, некоторое время постояли на обочине, дожидаясь зеленого света на светофоре. Я ждал, она ответила почти со злостью:

– Заткнитесь!.. И не выживайте своими познаниями в психиатрии.

– Что, – спросил я в изумлении, – я ошибся?

Она скривилась еще сильнее.

– Дело не в этом... Мир не ограничивается нашим районом проживания. Где-то гремят войны, свергаются правительства... может, слышали?

Красный сменился желтым и тут же зеленым, вместе с нами через дорогу ринулась стайка ребят с огромным псом на поводке, но без намордника.

Ингрид поморщилась на такое нарушение человеческих свобод, но смолчала.

– Ерунда, – отозвался я. – Все важное происходит в тишине научных лабораторий. Войны начинают там.

– Там начинаются, – отрезала она сухо, – а в реальном мире разворачиваются во всю мощь и длятся, длятся... Этот наш сотрудник в самом деле убивал и много убивал. Но все в войнах, которые гремят по всему миру. Война есть война. Когда захватывают пленных, их пытаются... Когда захватывают во время боевой операции, то пытаются и тут же убивают, иначе куда их девать?... Так что можете быть правым, но в то же время он и герой и... пострадавший с этой незаживающей травмой.

Над дверьми кафе светящаяся надпись Scenario Cafe², двери гостеприимно распахнуты. Я переступил порог вслед за этим лейтенантом полиции, на которую и сзади посмотреть такое же эстетическое удовольствие, как на мраморную фигуру трехметровой Афины Паллады у входа в издательство «ЭКМО».

– Ах, он еще и пострадавший...

– В конце каждой недели, – сказала она строже, – у него обязательное собеседование с психоаналитиком. Он, как догадываетесь, на особом учете. Но этот человек наш! А еще он хороший работник... Садитесь сюда. Я люблю наблюдать за улицей.

– Тогда просто возьмите на учет, – посоветовал я. – Когда где-то начнутся немотивированные убийства, сразу проверьте вашего военного героя, который так много людей убил, что теперь уже он пострадавший, ага. Так что еще насчет хищения? Вы что-то недоговариваете, товарищ старший детектив.

Неслышно подошла милая девушка со старинным блокнотиком и светящимся карандашом в руках.

– Здравствуйте. Чем вам помочь?

– Два кофе, – сказала Ингрид, опередив меня. – Один бутерброд с телятиной, у вас они всегда просто замечательные... а также печенье на блюде, мелкие такие, сахарные, противные, но беззубым интеллигентам тоже нужно что-то есть.

Официантка чуть растерянно улыбнулась.

– Поищем.

– Если не найдете, – подсказал я, – замените на бутерброд.

– Хорошо, – ответила она с облегчением. – Заказ принят.

– С рыбой, – уточнила Ингрид. – Второй бутерброд с рыбой.

Как только официантка отошла от стола, она посмотрела на меня в упор.

– Заметно, что недоговариваю?

Я двинул плечами и ответил с подобающей небрежностью:

– Я же профессионал.

Она некоторое время прожигала меня почти ненавидящим взглядом, потом лицо ее омрачилось, словно на него упала тень от грозовой тучи.

– Ладно, все равно это не тайна следствия. В общем, это уже второй случай. Точно так же были похищены восемь миллионов долларов. Из вашего же Центра, только из другого отдела. Это засекречено. Могу сказать только, что деньги исчезли тоже вот так бесследно. Потому там, наверху, в ярости. Подобного не случилось очень давно.

– Так-так, – сказал я, чувствуя нездоровое оживление. – Это же хорошо! Что так смотрите? Не в том смысле, что хорошо, а хорошо с точки зрения исследователя. Так искать проще. Один случай – это один, а два одинаковых – уже почерк, навык, особенности... И тоже нигде-нигде не засветились?

Она кивнула.

– Ситуация в банковской системе такова, что украденные деньги должны быть моментально упрятаны в какие-то фонды, трасты... да вообще неважно куда, но это должно быть сделано быстро. Моментально!.. Уже секунда промедления дает след. Но все равно теперь все чаще вылавливаем и тех, кто заранее приготовил нору. Хай-тек рулит. Но...

сложность в том, что те восемь миллионов долларов были похищены пять лет тому назад!

Я охнул.

– И что... нигде не всплыли?

Она кивнула.

– Вот-вот. Это в нашем просматриваемом мире! Уникальный случай. Такого нигде в мире еще не было. Потому и такое внимание к этим двенадцати миллионам. В итоге уже двадцать! Хотя не обязательно это один человек или одна группа...

Я подумал, сказал:

– А может, это как коллекционеры уникальных картин или вещей Тутонхаима?.. Продать нельзя, даже показать некому, держат в подвале и ходят туда любоваться в одиночку.

Она фыркнула:

– На картину любоваться можно, но как можно любоваться на пачку долларов? Или на виртуальный счет, как-то умело упрятанный в Сети?

– Если это воровство для коллекции, – сказал я, – то вы его никогда не раскроете. Или раскроете, когда будете читать мысли. Но если деньги ради какого-то дела, то зацепки появятся, нужно только их заметить.

Девушка принесла на подносе две огромные чашки с черным кофе, улыбнулась Ингрид, явно знает ее вкусы, а мне такую же, ни один мужчина не посмеет отстать от женщины, все еще цепляемся за остатки бывшего доминирования.

Бутербродов два, один гигантский, хлеба две тонкие полоски, а между ними кусок мяса размером с плиту Баальбекского храма. Второй с рыбой, это явно какой-то намек, но я не стал гадать, рыба красная, то ли семга, то ли форель, до сих пор не разбираюсь, а все потому, что мужчинам все равно, а кто разбирается – тот уже не мужчина.

Она перехватила мой взгляд на бутерброд в ее пальцах.

– Что?.. Надо есть здоровую пищу. Например, здоровый кусок телятины.

Кофе она отпивала лошадиными глотками, что значит, мелко и осторожно, кони именно так пьют, зато бутерброд поглощает с таким аппетитом, что вот-вот закажет еще один. Или два.

– Что? – спросила она снова, перехватив мой взгляд. – Бутерброд. С телятиной. Не какое-то сахарное печенье для ваших фифочек.

– Прошу прощения, – сказал я смиренно. – Сплоховал. В следующий раз для вас закажу не здоровый кусок телятины, а здоровенный.

– Следующего раза не будет, – отрезала она. – В тюрьме кормят баландой.

– Ой, – сказал я с сочувствием, – может быть, еще и не попадетесь?

– Вас, – уточнила она, – будут кормить баландой.

Прихлебывая кофе, другой рукой я раскрыл айпад, пусть эта полицейская огриха думает, что в самом деле что-то ищу по инету, на самом деле поиск провел еще по дороге в кафе, но тогда ничего не дало, а сейчас, когда выясняется насчет двух хищений, одинаковых по сути, это другое дело, теперь вот шарю и подбираю слова, как осторожно направить на тот след, который кажется мне самым вероятным, хоть и предельно туманным.

Официантка принесла два пирожных, это детективщица заказала для меня, какой-то намек, на беззубость или еще что-то, мне по фигу, а пирожное просто тает во рту, обожаю сладости.

Ингрид заглянула мне через плечо.

– Это в чем шарите, подозреваемый?

– Новый браузер, – ответил я. – У вас в полиции знают только Интернет Эксплорер?..

– Угадали. Каким образом?

– Вспомнил самое древнее, – пояснил я. – О нем в детстве забыл. Каждый месяц появляются новые, более быстрые и мощные... Этот работает с такой скоростью, что... ага, вот еще один.

– Кто?

– Подозреваемый, – сказал я с нездоровым оживлением. – Наверное, интересно быть полицейским?.. Заподозрил кого-то, догнал – убил. Заподозрил другого, догнал – убил. Если не того, отмазаться всегда можно. Не за того принял, не так посмотрел, не так свистит, слишком низко летает...

Она нахмурилась, голос прозвучал резко:

– Это не шуточки. Что смотрите? Что-то нашли?

– У меня лицо такое?

– Такое, – согласилась она.

– Давайте, – сказал я, – посмотрим заодно, что у вас собрано. Может быть, есть зацепки?

Она прищурилась.

– Думаете, мы не заметили бы? Профессионалы?

– Вы профессионалы полиции, – уточнил я скромно, – я же профессионал всего лишь интеллекта, если вы о таком слышали. Это... да ладно, зачем вам знать про интеллект? Интеллект, да еще развитый, помешает быстро бегать, бить ногой в челюсть и стрелять в пока что живого человека.

Она сказала холодно:

– Допивайте кофе, там посмотрим. Если выдадите всех подельников, на суде будет скидка.

Она сделала официантке знак подойти, а когда та приблизилась, сказала так властно, словно поднимает роту в контратаку:

– Счет! И кофе с собой.

– Кофе бесплатно, – предупредила официантка.

Она изумилась.

– Правда? Почему?

– Вы заказали наше фирменное пирожное, – пояснила девушка. – А в этом случае кофе за счет заведения.

– Мило, – сказала она. – Тем более что и пирожное просто прелесть. Спасибо!

Полицейский участок, как и положено в современном мире, огорожен бортиком из бетонных блоков, а ко входу ведут высокие ступеньки, так что террорист-смертник даже при отсутствии заграждения не сумеет выбить дверь начиненным взрывчаткой автомобилем.

К тому же вход бронирован, еще и с вертушкой, если заблокируют, не вырваться, но моей конвоирше уступают дорогу, то ли уважают, то ли побаиваются, а на меня поглядывают с непонятым, хотя и вообще-то понятным сочувствием.

Я, правда, привык к таким взглядам, но сейчас чувствую всего лишь некоторую слабость, голова не кружится, тошноты нет и близко, а мозг работает, как андронный коллайдер.

В огромной комнате с массой всевозможных экранов на стене, от крохотных и до исполинских, расположились с десятков столов. Полицейских за ними я бы даже не назвал

полицейскими, хоть и в форме, выглядят почти как люди.

Она сказала весома:

– Это наш отдел криптозащиты. Здешние ребята собаку съели на ловле всяких прохиндеев. Выкладывайте им свои соображения, а они вас поймают на брехне.

– Можно взглянуть на записи с камер? – поинтересовался я. – Те, что у вас установлены в женских душевых, меня пока не интересуют, хотя там наверняка высшее разрешение и самое мощное оборудование, а вот те, на которых все входящие в наш корпус и выходящие...

– Эти уже смотрят, – ответила она с милостивым пренебрежением. – Можете присоединиться.

– Мне лучше сначала, – сообщил я.

Она подошла к одному, опустила ладонь на плечо. Я заметил, как бедный парень дернулся и оглянулся с таким испугом, словно она сунула ему за шиворот гранату.

– Прогони сначала, – сказала она голосом повелительницы варваров, – этот вот подозреваемый должен посмотреть до того, как ему предъявим серьезное обвинение и отправим за решетку.

– Как скажешь, – ответил он поспешно. – Могу хоть с начала года!

– Не умничай, – велела она.

Я проговорил мирно:

– Можно мне слово? Всего лишь со вчерашнего дня. Начиная с утра, когда начали являться самые ранние пташки на работу. Вообще-то им премию за такое рвение нужно выдавать, а мы их в подозреваемые... Вот так всегда в жизни, не находите? Хотя откуда вам знать, у вас же не жизнь, а эта, как ее... погоня, погоня, погоня в крови!

Она посмотрела с предостережением, дескать, еще слово, и за решетку, я договорил:

– Если лица не видно, то сразу на запись с другой камеры. Там их вообще-то три, еще две захватывают от здания через дорогу.

Она посмотрела на меня косо.

– Что, так заметны?

– Заметны, – ответил я, не вдаваясь в подробности. – побыстрее можно? Я о прокрутке. Что у вас за аппаратура?.. При авторитарных режимах силовые структуры должны получать лучшее оборудование! Чтобы успешнее угнетать... э-э... угнетенные массы. В интересах угнетателей.

Техник пробурчал:

– Аппаратура у нас вполне! Если случают программы, то все мелькает, но сейчас же надо глазами?

– А кто смотрит? – спросил я. – Вы или я?

Он ответил хмуро:

– А вы что... можете быстрее?

– Я ученый, – ответил я с надлежащим высокомерием. – У меня натренирован мозг, а не!.. Вы знаете, о чем я намекиваю.

Она кивнула технику.

– Дай быстрее. Пусть он подавится.

Я посмотрел на мелькающие фигурки, поинтересовался:

– А быстрее может?

Техник буркнул:

– Наша техника может. А ваша?

– Мозг пока что круче компа, – заявил я. – Еще быстрее... Еще... Стоп! Отмотай чуть назад...

Техник, с недоверием поглядывая то на меня, то на детективщицу, вернул изображение, я сделал вид, что всматриваюсь, указал пальцем.

– Вот этот посторонний.

Она сказала быстро и властно:

– Узнать о нем все!

Я проговорил мирно:

– Давай дальше. Только не тяни, крути быстрее.

Она поглядывает на меня с сомнением, я подумал, что может что-то заподозрить, но отбрешусь. Вообще-то я еще по дороге просмотрел записи всех камер, отыскал пятерых посторонних, проверил по всем базам, у всех дела в институте, кто прибыл по командировке, кто по обмену опытом, так что надо проверять теперь еще их связи.

Подошел настолько грузный полицейский, что я сразу же представив, как он гонится по улице за убегающим преступником, невольно заулыбался.

Он протянул Ингрид несколько фотографий голого мужика на железном столе морга.

– Вот он. Еще свеженький. Ты его уложила точно. Камеры засняли, как он в тебя стрелял, так что вопросов не будет.

Она быстро перебрала фотографии, кивнула, лицо оставалось холодным и безразличным.

– Он вел активную жизнь, – произнесла таким тоном, в котором я бы выделил одобрение. – Три пулевых ранения, вон шрамы от ножа, причем не столового... Думаю, патологоанатом найдет старые переломы и ушибы.

Техник поднял на меня взгляд и шепнул пугливо:

– Видите, что такое для нашей воинственной Зены активная жизнь?

– А что, – пробормотал я тихонько, – кто-то при виде ее может подумать о другом понимании активной жизни?.. Я теперь на неделю забуду точно.

Ингрид услышала или не услышала, но метнула на меня такой взгляд, после которого о близости с женщиной можно забыть и на месяц.

Я продолжал смотреть на экран, а когда решил, что достаточно, сказал с видом человека, выкопавшего яму под Черное море:

– Есть еще два. Вышли то ли вместе, то ли просто совпало, но вот они...

Она кивнула техникам, но те уже и без напоминания поставили метку, погнали записи дальше.

Когда я назвал всех пятерых, она сказала неумолимо:

– Шмендрик, продолжай искать. Возможно, этот тип кого-то скрывает. Могу предположить, что есть и шестой, которого он якобы не заметил!

Шмендрик буркнул:

– При такой скорости не заметить легко. Потом можно отбрехаться.

– Да, – сказал я, – проверяйте. А я бы предложил проверить всех друзей и даже контактеров этих пятерых. Это может дать нужную ниточку.

Она кивнула.

– Это мы и собираемся сделать. Но, Шмендрик, все равно ищи шестого.

Я указал на экран.

– Я бы посоветовал начать с этого. Видите, короткая такая стрижка...

Она посмотрела на меня с подозрением.

– Почему?

– Чутье, – сказал я скромно. – Да и не нравится мне такая прическа. Не одобряю. Я интеллигент, а так стригутся только в армии и полиции.

Толстый полицейский недовольно всхрюкнул и поворошил толстой пятерней битловскую прическу.

Она подумала, кивнула.

– Мне кажется... Да что там кажется, вы точно знаете гораздо больше, чем говорите! Это ваш поделщик, да?.. Он вас где-то подставил, и хотите ему отомстить?.. Учтите, будем брать его живым!.. Уверены, что вас не выдаст? Почему?.. Убьете его раньше?.. Или как-то связан с вами еще и теперь будет все равно молчать?

Я сказал в восторге:

– Ингрид, простите, что по имени, после этой операции переходите к нам в лабораторию! Общение с вами – чистое счастье. Будем платить, как доценту. Уверен, общаясь с вами, все наши сотрудники будут получать такое же удовольствие, как вот получаю я... А это благоприятно скажется на результатах работы. И даже дома в общении с домашними животными.

Она посмотрела на меня исподлобья.

– Это почему же?

– Вы такая умная, – сказал я счастливо. – Просто не могу налюбоваться! И такие люди всего лишь в полиции? Я бы вас рекомендовал сразу в правительство! Там таких много, но можно еще...

Она отрезала:

– Мы на страже закона. Без полиции и вы, яйцеголовые, не смогли бы ни работать, ни ходить в булочную. Мы вас стережем и сдуваем!.. Хорошо, подозреваемого берем на учет. Поинтересуемся, кто он и что он. Обвинять его ни в чем не обвиняем, всего лишь как бы предосторожничаем. Во избежание. Ибо.

Я сказал:

– Настораживают разве что его частые зарубежные поездки. Сейчас только полные идиоты ездят за рубеж на отдых да смотреть на пирамиды. Нормальные их видят в инете, там с любого ракурса, а этот ездит и ездит...

Она спросила резко:

– Откуда это знаете?

– Вам ехать, – ответил я. – Или шашечки?

Она прожгла меня взглядом, в глазах заблестали опасные огоньки.

– Рискованно играете, – произнесла она ледяным голосом. – Теперь знаю точно, попадетесь. Пойдемте в мой кабинет, поговорим более предметно.

– Пальцы ломать будете? – полюбопытствовал я. – Или дубинкой по ребрам?

Она прищурилась.

– А вы предпочитаете что-то особенное?

– Да, – ответил я с вдохновением. – Надеюсь, вы лично подвергнете меня сексуальному насилию!

К ее кабинету прошли без помех, небольшая, даже тесная комната, где стол с большим экраном в столешнице и три на стене напротив, не самые новые, но все же качество выше среднего.

Она кивнула на стул у стола.

– Смотрите, наш яйцеголовый друг. Покажите превосходство интеллекта над профессиональным умением тренированных людей на выполнение конкретных задач.

Я опустился на мягкое женское сиденье, экран тут же засветился заставкой и пошел листать в браузере страницы.

Она за моей спиной пробормотала с подозрением:

– Это... как? Я еще не сказала пароль!

– Комп был включен, – пояснил я, – так что все в порядке. Вы просто забыли выйти из системы, такое с женщинами бывает... С ними вообще-то и не то бывает. Интересно, интересно... Хорошую работу проделали, учитывая, что и оборудование старое, и специалисты вы... гм... очень крутые. И стреляете, наверное, без промаха. В живых людей. Которые ведут активную жизнь.

Она все еще посматривала больше на меня, чем на экран, а я старательно листаю, хотя просмотрел все это еще по дороге к этому кабинету, но сейчас делаю вид, что вижу впервые, качаю головой, хмыкаю, похрюкиваю.

В комнату заглянул один из работников, бросил на меня беглый взгляд, а Ингрид сказала бодро:

– Вот все материалы. Можешь посмотреть, но не стоит. Капитан велел сбросить в архив.

Он небрежно бросил на стол три листка с принтерной распечаткой, Ингрид отмахнулась.

– В архив так в архив. Дело закрыто, чего еще?

Он кивнул, засмотрелся на экран, где в мелькании хрен что разберешь, а я полюбопытствовал:

– Что-то с нашим хищением?

– Нет, – ответила она, – это идеальный случай, побольше бы таких. Мелкое хулиганство. К счастью, совсем пустяки. Хотя подрались байкеры и готы, могло быть ого-го, но все обошлось. Пара выбитых зубов, два разбитых мотоцикла, порваны куртки... взаимных претензий нет, так что дело закрыли. А за разбитое окно возместили.

– Всегда бы так, – сказал я. – Возместили бы эти двенадцать миллионов... и все в ажуре. И полиция не нужна.

Полицейский нахмурился, бросил на меня короткий оценивающий взгляд, сразу определив, что я выше на два сантиметра, живота нет вовсе, там у меня вообще провал, нижняя челюсть выступает вперед, при моей худобе это почти вызывающе, а у него так называемая женская, хотя у женщин как раз в тренде мужского типа лица.

Как всякий самец, он не любит превосходство другого самца, это у нас в крови, обычно возникает даже легкая враждебность, а проходит только в случае, если сбиваемся в стаю, где победа зависит от общих усилий.

Но мы в стаю точно не собьемся, потому он смотрел почти как на противника.

– Но-но, – сказал он резко, – полиция всегда нужна. Причем такая, чтобы одного вида боялись всякие... да-да, всякие.

Я посмотрел на детективщицу, он тоже посмотрел на нее, она нахмурилась.

– Да-да, голубчики, – подтвердила она, хотя обращается явно только ко мне. – Чтобы боялись и не преступничали!

Я все еще смотрел в экран, но что-то зудит в каких-то фибрах, раздражает, я ж ученый, тонкая натура, это полицейсеры люди прямые и четкие, у них если дело закрыто, то закрыто. А у меня все не так, а когда понял, что именно беспокоит, встрепенулся как гончий

пес, услышавший хлопанье крыльев пролетевшей утки.

Двенадцать миллионов долларов исчезли, и эта драка между байкерами и готами, как догадываюсь и вижу сейчас там, где не видит эта Ингрид, все произошло в одно и то же время. В полиции на это не обратили внимания, да и как обратить, если хищения расследует особый отдел по крупным хищениям, он так и называется, а драки и хулиганство – самый низовой сектор полиции, и нигде друг с другом не соприкасаются, даже презирают друг друга.

Я, правда, тоже не могу представить, как могут соприкасаться сравнительные интеллектуалы и самые что ни есть простые из полицейских, однако же такое совпадение... К тому же эта драка произошла в соседнем квартале, хотя Москва за последние два месяца стала еще на треть шире.

– А что за разбитое окно? – спросил я.

Она отмахнулась.

– Когда дрались, кто-то промахнулся и разбил окна в доме, под стенами которого шла схватка. Пустяки, уже все застеклили. А что?

– Да как-то, – признался я. – Я не религиозник, даже в совпадения не слишком верю, потому проверяю. Хищение и драка в один день, ладно. Но если в тот же час?

Она посмотрела на меня исподлобья.

– Говорите так, словно знаете, что то и другое случилось действительно в тот же час.

– Хорошо бы проверить, – сказал и пояснил торопливо, – знаю-знаю, никакой связи, но если нет других версий?

Она отрезала холодно:

– Это не версия! Или у вас там пустые выдумки называют так? Знаете, сколько в Москве ежедневных драк?.. Обязательно какие-то совпадут. Наложатся или накладываются на ваше хищение. А еще в Индонезии самолет упал... Он как, тоже с этим связан?

– Если в ту же минуту, – ответил я, – то следует им тоже заняться.

Она фыркнула.

– К счастью, такие умные в полиции не работают. Иначе у нас вообще бы кошмар был.

– Как изволите, – сказал я. – Но я бы на вашем высоком месте полицейонера проверил насчет той драки. Уточнил бы время. В каком часу? Желательно, до минут.

Она ответила с презрением:

– К счастью, вы не на моем месте, подозреваемый!

Я взглянул на часы, охнул.

– Ого!.. А мне надо кота кормить.

Она посмотрела на меня с сомнением.

– Кота? Вы не похожи на кошатника. Разве что пса... Но и собаки у вас, как мне кажется, нет.

– Вот видите, – сказал я горько, – у меня даже собаки нет. Никого нет, кто бы встречал меня и махал хвостиком!.. Никто не радуется, что я есть. Такова жизнь современного ученого.

Она наморщила нос.

– Тогда кого собираетесь кормить?

– У меня целое стадо гусей, – признался я, – индюков, есть утки и куры... правда, все виртуальное, но если не покормить, заболеют. Но получу голды на аренду замка.

Она сказала саркастически:

– Ну да, конечно, это так важно. Отпускаю под виртуальную подпись о невыезде.

Завтра еще будут вопросы.

– А сегодня нельзя?

Она отрезала:

– Нет. Вопросы появляются по мере появления ответов.

– Понятно, – сказал я. – Тугодумность – это наше все. Достояние, добытое в кровавых лишениях и трудных битвах за самобытность. Запрягаете вы тоже медленно?

Она смотрела исподлобья, как я поднялся, в лице что-то изменилось, я с изумлением увидел некий слабый намек на сочувствие.

– Прошу прощения, – сказал я и вышел из-за стола, придвинув стул обратно.

Она указала на боковой дисплей на стене.

– Извините, гражданин, но вы подозреваемый, и мне пришлось покопаться в ваших данных. Понимаю, это не совсем этично, но мы... полиция.

Я ощутил неприятное чувство не опасности, а так, просто неловкость, словно о тебе узнают какой-то постыдный грешок, который ты стараешься забыть.

– Вэлкам, – пробормотал я. – Я человек, а человеку ничто свинское не чуждо.

– Это понятно, – сказала она, не сводя с меня взгляда. – Я о том, что касается нашего дела. Или может касаться.

– Ну-ну?

Она понизила голос.

– Прошу простить за жестокий вопрос, но... это касается нейродегенерации. Лечение существует?

– Нет, – ответил я честно.

Она продолжала сверлить меня взглядом.

– Мне очень неприятно это говорить, но вынуждена сказать правду. Ваше физическое состояние ставит вас в число самых вероятных похитителей.

– Каким образом? – спросил я. – Ах да, позвольте догадаться... Мне осталось немного, потому ворую гигантскую сумму... мне все равно терять нечего, верно?.. для того, чтобы уговорить ведущих хирургов мира попытаться сделать мне операцию первому, как только будет найден способ...

Угадал?

Она наклонила голову, все еще не сводя с меня взгляда.

– Медицина развивается стремительно, – обронила она, – лечение будет найдено обязательно. Вы просто хотите успеть раньше, чем болезнь добьет вас. Не так ли?

– Все логично, – признал я. – Вас бы к нам, яйцеголовым...

– Значит, признаетесь?

Я вздохнул, развел руками.

– Насколько я слышал, даже если признаюсь, вам все равно нужно собрать все улики. Иначе могу оказаться человеком, что взял вину на себя, чтобы выгородить настоящего преступника. Не так ли?

– Признание смягчает вину, – сообщила она, – и позволяет надеяться на снижение наказания. А если расскажете подробно, как все сделали, и вернете похищенное, вам могут даже снизить срок.

– Хорошая система, – одобрил я. – Практичная.

– Так как?

Я поднялся.

– Собирайте улики.

Она тоже поднялась, мощная, с прямыми плечами и жестоким лицом, которое старается и не может сделать сочувствующим.

– Подпишите бумагу о невыезде.

– Бумагу?

– Так говорится, – уточнила она. – Все пишется в облако, как и это предупреждение, что я вам даю. И то, что вы слышали. А теперь можете идти! Но советую далеко не уходить.

Может быть расценено, как попытка к бегству.

Только опускаясь на сиденье автомобиля, ощутил, что в самом деле устал просто смертельно. Но если учесть, сколько двигался, то вообще побил свой рекорд.

По дороге не выдержал, остановился на заправке и взял три больших бутерброда с жареным мясом и пластиковый стакан кофе эспрессо.

Там же сожрал и два бутера, а потом указал автомобилю путь к дому и уже спокойнее и с удовольствием сожрал третий, смутно удивляясь, что утолил всего лишь голод, а вот аппетит жрал бы еще за меня и того парня.

Похоже, исхудавший и ослабевший организм, ощутив передышку, начал судорожно восстанавливаться, чтобы к новой напасти хоть немного запастись мяса, а то и жира на пузе.

К дому подкатил в момент, когда на дисплее появилось кукольное личико Катеньки.

– Навигатор показывает, – сообщила она щебечущим голоском, – ты уже дома?

– Только подъехал, – ответил я. – Захожу в подъезд.

– Ой, – сказала она обрадованно, – а я со службы!.. Через шесть минут проскочу мимо твоего дома. У тебя что-то поесть найдется? Умираю с голоду.

– Будет, – ответил я обрадованно. – Ох и нажремся!

Она счастливо пискнула:

– Еще как!

Кухонный комбайн принял набор команд с некоторым удивлением, редко когда балую сложными заказами, пришлось подключить даже принтер для изготовления недостающих компонентов, но к тому времени, как домофон засек подъезжающий к стоянке автомобиль Катеньки и поспешно доложил мне таким тоном, словно поймал госдеповского шпиона, на кухне дважды пропикало, сообщая, что первые два блюда готовы.

– Прекрасно, – ответил я бодро, – держать в готовности!.. Температуру снизить, но не отключать.

Она подбежала к входной двери дома, легкая, как молодой козленок, дверь приглашающе распахнулась, вызвав сияющую улыбку на ее разрумившемся лице.

С той же улыбкой промчалась через холл и успела вскочить в уже заполненный лифт, но с ее весом перегруза точно не будет.

Я выждал чуть и вышел на лестничную площадку, а там, едва двери лифта распахнулись, Катенька со счастливым визгом ринулась ко мне.

Чувствую, хочется повиснуть, как мартышке на дереве, но, увы, я такой, что если на меня сядет ворона, упаду под ее тяжестью. Во всяком случае, еще вчера-позавчера был именно таким.

– Пойдем скорее, – сказал я, обнимая ее с нежностью, – сам умираю с голода.

Она перед дверью моей квартиры шумно втянула в себя воздух обеими ноздрями.

– Ого, какой запах!.. У тебя под дверью щель?

Я потянул на себя за ручку, Катенька с ликующим визгом ринулась в комнату навстречу одуряющим ароматам со стороны кухни.

Голод в самом деле терзает меня внутренности, я торопливо открыл духовку, Катенька дрожащими от ликования лапками начала торопливо таскать на стол жареную курицу, ломти запеченной баранины, а я резал хлеб и забрасывал ломтики в тостер.

Она быстрее любой белки в течение пары секунд все разложила по тарелкам, со

счастливым писком ухватила нож и вилку и моментально вонзила то и другое в коричневое пузо жареной курицы, расчлняя, кромсая, разделяя на строго правильные по науке ломти.

– Ну что, – нявкнула она, – наперегонки?

– Угу, – промычал я уже с куском нежнейшей курятины во рту. – Не удавись только...

Ест она в самом деле быстро, часто-часто двигая челюстями, у меня так не получается, я то ли медлительнее, то ли сказываются размеры, ну не может экскаватор соревноваться по скорости с газонокосилкой, у меня и челюсти ходят основательно, захватывая и перемалывая добычи вдвое больше.

Потом лопали рыбу и сыры, я чувствовал, как голод постепенно отступает, а взамен приходит давно забытое ощущение силы и бодрости.

Кофейный аппарат уверенным писком доложил, что кофе смолот и воду вскипятил, дольше ждать нельзя, а то остынет, а размолотые зерна пропитаются сыростью, ага, вот так за две секунды и пропитаются напрочь, даже плесенью покроются.

– Две большие, – сказал я, – и даже моему воробышку большую!.. Только ему с молоком. Если со вчерашнего дня остались сливки, то со сливками.

Она вскинулась.

– Со сливками? Почему это со сливками? Я и так толстая!.. Ты хочешь, чтобы я стала безобразной?... А, ладно, давай со сливками. И три ложки сахара. Нет, четыре!

Мы молча и с наслаждением выдули по большой чашке крепкого кофе, наши вкусы сходятся даже в этом, потом она спохватилась:

– Ох, я даже руки не помыла... Ничего не убирай, я все сама!

И унеслась в ванную комнату, а я, естественно, тут же взялся убирать со стола, мы всегда стараемся сделать хоть что-то за любимых, обрадовать пусть по мелочи.

На стене сам по себе врубился громадный дисплей, он настроен только на экстренные новости, замелькали кадры морских кораблей, взрывы, затем взволнованный ведущий сообщил трагическим голосом, что в Персидском заливе исламисты Халифата потопили второй за этот год американский корабль.

Удалось спастись на берег двумстам семидесяти морякам, в том числе выбрались восемьдесят морпехов, однако исламисты, хотя американские военнослужащие тут же сдались в плен, зверски и демонстративно расстреляли всех до единого.

– Вопреки обыкновению, – прокричал диктор, – объяснение этому вопиющему поступку дал не уполномоченный Халифата, а один из аккредитованных при штабе Халифата журналистов, свое лицо он скрыл под черным платком, но, судя по выговору, это кто-то из русских, влившихся в ряды этой террористической организации. Слушайте, что он сказал!

Он остался в кадре, а в окошке появилась фигура человека в черном балахоне, что давно стал эстетикой Халифата, голос зазвучал громко и со сдерживаемой яростью:

– А что вы ждали?.. Это не мобилизованные на войну солдаты! Те не по своей воле участвуют в войнах. Но эти все контрактники, воюют за большие деньги!.. Могли найти мирную работу в своей стране или в чужой, но предпочли взять оружие и пойти убивать! Подчеркиваю, в прошлую мировую в плен не брали так называемых парашютистов, а также партизан, так вот и эти люди пришли сюда по своей воле, чтобы убивать местных жителей!..

Кто-то начал было важным голосом:

– Но международные конвенции...

Человек в маске сказал резко:

– Конвенции принимаются под диктовку той страны, что послала эти корабли против

нас!..

– Против вас воюет коалиция стран...

– Бросьте, – отрезал человек в маске. – Все вы знаете, что там за коалиция. Но мы соблюдаем более высокие конвенции, которые заповедал нам всевышний через величайших пророков Моисея, Иисуса и Мухаммада!..

На заднем фоне было видно толпу в черном, звука нет, но видно, как все вскидывают руки с автоматами Калашникова. Я подумал хмуро, что халифатовцы объясняют свои действия просто и доходчиво, это понятно любому простому человеку, в какой бы стране тот ни находился.

Вообще-то обычно, когда просто и доходчиво, это неверно, но в данном случае верно хотя бы в том, что заповеди, изложенные в Библии, а затем в Коране, конечно же весомее ухищрений юристов, умело подгоняющих законы под потребности находящегося у власти правительства.

В душевой утихла струя бьющей воды, Катюша выскочила чистенькая и свеженькая, вся сияющая и вымытая, но увидела голую столешницу и горку помытой посуды, завопила звонким голосом:

– Ты что наделал?.. После тебя все равно перемывать надо!.. Только государственную воду переводишь!

– Не визжи, – сказал я добродушно, – у меня уши ультразвук не воспринимают...

– Я на тебя не визжу, – возразила она возмущенно. – Я на тебя пишу!

Я остановился в восторге, она просто великолепна в своем пищащем гневе, и попыталась отшатнуться, когда я сгреб в объятия и начал целовать с той страстью, как целуют младенца, с трудом удерживаясь, чтобы не грызнуть за нежную розовую попку.

– Ты чего? – пропищала она.

– Люблю тебя, – ответил я искренне. – Ты самое лучше, что есть у меня... и вообще на свете.

Она чуть отстранилась, посмотрела снизу вверх, как мартышка на дерево, но гордо и независимо.

– Почему это я у тебя? Это ты у меня!

– Собственница, – сказал я с укором, но и с одобрением тоже, – сильная женщина!

Очень хотелось взять ее на руки и отнести в постель, но пока что рисковать не стоит, могу опозориться, едва стул поднимаю, и она, извернувшись в моих руках, сама потащила меня к кровати и умело уложила там, гордо подбоченилась, любуясь делом своих рук и дизайнерским умением.

– Все-таки съездил на работу? – поинтересовалась она с неодобрением. – И пробыл там долго?

– Не совсем, – ответил я. – У нас крупная кража. Всех выгнали, все помещения опечатали. Меня допрашивали как свидетеля и даже как наиболее подозреваемого.

Она охнула.

– В полиции?

– И даже в полицейской машине, – ответил я. – Щас я тебе ее покажу...

Она помогла дотянуться до моих штанов на стуле, я вытащил из кармана мобильник и перекинул на стенной дисплей фотографии старшей детективщицы Ингрид.

Там она почти в полный рост, Катенька с почтительным ужасом уставилась на широкие плечи суперменши.

– Ого!.. Какие мышцы!..

– Это в одежде, – ответил я. – Представляешь, какая без этой майки?.. Бицепсы, трицепсы, дельты, прямые, косые и широчайшие, а на животе, как уже догадываешься, кубики!.. Думаю, даже не классические шесть, а все восемь!

Она зябко повела узкими покатыми плечиками.

– Жуть!.. Это не женщина.

– Чудовище, – согласился я. – Не думал, что я такой старомодный, но когда смотрю на нее, во мне сразу вздыбливается шерсть доминанта. Только мужчина должен быть самцом, а не женщина!

Она пискнула:

– А мы, женщины, разве против? Доминант должен нас спасать, беречь, кормить, чесать и гладить!.. А мы за это будем ему мурлыкать.

Я снова прижал ее в порыве нежности.

– Солнышко ты мое крохотное!

Она легла рядом и прильнула ко мне всем телом.

Выкарабкавшись из постели через полчаса, смешная и растрепанная, она вскрикнула в жалобном ужасе:

– Ой, такси будет через четверть часа! А я еще не привела себя в порядок! Это ты виноват...

– Конечно, – согласился я с готовностью, – всегда во всем виноваты мужчины. Хотя вообще-то миром рулят женщины. А твоя машина?

– Сразу отослала на заправку, – сообщила она, – а потом в мастерскую, что-то электрика начала отключаться, а сама я не умею...

– Это поправимо, – сказал я умно, будто разбираюсь в машинах, хотя для меня главное достижение, что знаю, как открывается дверца, а в самой машине вполне сносно нахожу бардачок.

[Купить полную версию книги](#)